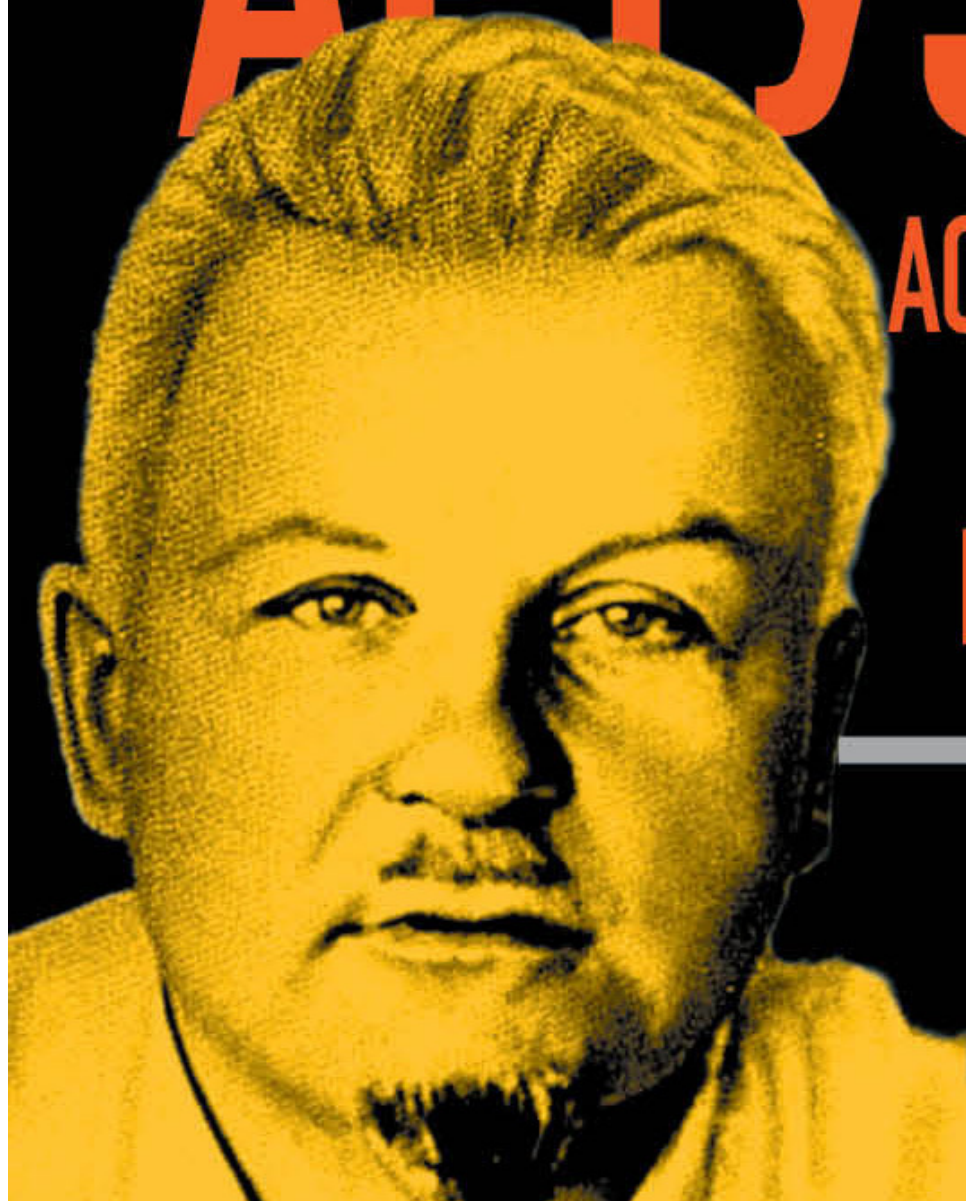

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

АРТУР АРТУЗОВ

АС РАЗВЕДКИ
И КОНТР-
ШПИОНАЖА

ЮРИЙ
ЛЕНЧЕВСКИЙ

Гроссмейстеры тайной войны

Юрий Ленчевский

**Артур Артузов – отец
советской контрразведки**

«Алгоритм»

2017

УДК 338
ББК 65.9

Ленчевский Ю. С.

Артур Артузов – отец советской контрразведки /
Ю. С. Ленчевский — «Алгоритм», 2017 — (Гроссмейстеры
тайной войны)

ISBN 978-5-906914-84-2

Новая книга военного историка Ю. С. Ленчевского повествует об одном из умнейших и опытнейших профессионалов контрразведки периода становления молодого российского государства – Артуре Христиановиче Артузове (Фраучи). Благодаря его работе прекратило существование движение Бориса Савинкова, была поставлена точка в карьере супершпиона Сиднея Рейли (Соломона Розенблюма), был захвачен атаман Борис Анненков. При непосредственном участии отца советской контрразведки были разработаны и проведены легендарные операции «Трест», «Синдикат-2», «Синдикат-4», «Тарантелла» и др. При Артузове разведка обзавелась большим и разветвленным аппаратом за границей. Именно этот период истории отечественных спецслужб называют «эпохой великих нелегалов». Под руководством Артузова работали такие знаменитые разведчики, как Шандор Радо, Рихард Зорге, Теодор Малли, Георгий Косенко, Борис Гудзь, Дмитрий Быстролетов. В книге рассказывается не только об удачах, но и о провалах советской разведки, это хроника не только успехов, но и ошибок А. Х. Артузова, расстрелянного в 1937 году и реабилитированного в 1956 году.

УДК 338
ББК 65.9

ISBN 978-5-906914-84-2

© Ленчевский Ю. С., 2017

© Алгоритм, 2017

Содержание

Начало	6
Глава 1. Соратник Дзержинского Михаил Кедров	6
Глава 2. Вехи жизни	13
Глава 3. Менжинский и Артузов	17
Глава 4. Беспощадная борьба с контрреволюцией	22
В борьбе с врагами молодого государства	30
Глава 5. Документы ВЧК	30
Глава 6. Без передышки	36
Глава 7. Дело поэта Николая Гумилева	45
Глава 8. Эмиграция была разной	53
Легендированная контрразведывательная операция «Трест»	56
Глава 9. Замысел «Треста»	56
Глава 10. Александр Якушев	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юрий Ленчевский

Артур Артузов – отец советской контрразведки

Начало

Глава 1. Соратник Дзержинского Михаил Кедров

В июле 1918 года СНК РСФСР образовал чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте во главе с видным чекистом, участником трех революций М. Лацисом. Позднее фронтовые и армейские чекистские органы были созданы и на других фронтах. Армейские чрезвычайные комиссии выявляли и обезвреживали вражеских лазутчиков, паникеров и провокаторов, очищали тыл от вражеских элементов. Их деятельность положительно сказалась на боеспособности Красной армии.

Накопленный к осени 1918 года опыт контрразведывательной работы в армии показал, что невозможно отделить шпионаж империалистических разведок от подрывной деятельности внутренней контрреволюции, поскольку они явно смыкались между собой. К этому времени стало очевидным, что существование нескольких органов, боровшихся с контрреволюцией и шпионажем в армии и на фронте, вело к распылению сил, порождало ненужные межведомственные трения. Необходимо было сосредоточить эти функции в одном органе, который отвечал бы за состояние контрразведывательной работы в Вооруженных силах республики.

19 декабря 1918 года при участии В. И. Ленина было принято решение о слиянии фронтовых чрезвычайных комиссий и аппаратов Военного контроля Реввоенсовета. Созданный единый орган – Особый отдел Республики – возглавил профессиональный революционер, организатор боевых дружин, соратник Ф. Дзержинского М. Кедров.

Этот день и считается днем рождения органов военной контрразведки¹.

Из протокола заседания бюро ЦК РКП(б) об объединении деятельности ВЧК и военного контроля 19 декабря 1918 года:

«...Заведующим военным контролем назначить тов. Кедрова, если не встретится возражений со стороны Реввоенсовета...».

Развертывание военных действий на фронтах Гражданской войны потребовало создания фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий. Для их руководства 29 июля 1918 года при отделе по борьбе с контрреволюцией ВЧК был создан военный отдел. В соответствии с указанием советского правительства 13 декабря 1918 года вместо фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий были образованы особые отделы, задача которых состояла в том, чтобы вести борьбу со шпионажем и контрреволюцией в частях и учреждениях Красной армии на территории всей страны.

21 февраля 1919 года ВЦИК утвердил «Положение об особых отделах при ВЧК». Борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии возлагалась на Особый отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии. Особый отдел вместе с тем непосредственно под контролем Революционного военного совета Республики выполняет его задания. Общее руководство вышеуказанной борьбой возлагается на ВЧК, которая через свой особый отдел руководит работой местных особых отделов, контролирует их деятельность и организует и руководит работой агентуры за

¹ См.: Ленчевский Ю. С. В невидимых поединках «скрециваются шпаги» // «Граница России», № 47, 2013.

границей, и в оккупированных иностранными державами, и занятых белогвардейцами областях. Органами, ведающими активной борьбой с контрреволюцией и шпионажем в армии и в тылу, являются особые отделы при губернских ЧК, фронтовые и армейские, которые непосредственно подчинены Особому отделу при ВЧК. Фронтовые и армейские особые отделы вместе с тем непосредственно выполняют все задания Реввоенсовета Республики, фронтов, армий, а особые отделы губернских ЧК – местных военных комиссариатов. Особым отделам предоставляется право ведения следствия и всех связанных с ним действий, как-то: обысков, выемок и арестов, кои производятся по соответствующим ордерам особого отдела или по ордерам Всероссийской или губернских чрезвычайных комиссий.

Военным отделом ВЧК, а затем ее особым отделом руководил Михаил Сергеевич Кедров. Выходец из богатой семьи видного московского нотариуса, потомственного дворянина, Михаил Кедров с юношеских лет встал на путь революционной борьбы.

В 1899 году за участие в студенческих волнениях Кедров был исключен из Московского университета. И дальше его жизнь стала жизнью революционера. Он неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства, трижды сидел в тюрьмах, состоял под особым надзором полиции, находился в административной ссылке в Вологодской губернии. Кедров – бакалавр медицинского факультета Лозанского университета, ученик знаменитого европейского кардиолога Кроникера, человек, свободно владеющий несколькими европейскими языками, талантливый музыкант. Он же – профессиональный революционер, организатор боевых дружин, издатель нелегальной литературы. Он стал народным комиссаром, командующим Северным фронтом.

В нашей литературе почти нет экскурса в историю событий тех далеких дней, что происходили на Севере. А ведь тогда весь российский Север стонал под пятой интервентов. К осени 1918 года интервенты довели численность своих войск на Севере до 30 тысяч человек и продолжали расширять зону оккупации. В состав оккупационной армии входили англичане, американцы, французы, итальянцы, канадцы, поляки, австралийцы, сербы, финны, шотландцы, даже отряды добровольцев из нейтральной Дании и Швеции. Эти «освободители от большевизма» занялись циничным грабежом. Во всей оккупированной зоне интервенты установили практически колониальный режим и начали вывозить богатства Севера. Пароходы с награбленными грузами отправлялись не только из Архангельска и Мурманска, но и из Кеми, Сорок, Онеги, Кандалакши и Мезени.

Один из руководителей контрреволюции на Севере России генерал-губернатор Северной области, главнокомандующий войсками Северного правительства генерал-лейтенант Евгений Миллер не ушел от возмездия. В эмиграции он активно боролся против Советской страны. Однако 22 сентября 1937 года в дневное время в Париже Миллер был похищен чекистами. Затем доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД как заключенный № 110 – Иванов Петр Васильевич. Был приговорен к расстрелу. 11 мая 1939 года в 23 часа 5 минут приговор привели в исполнение.

Осенним днем 1918 года Кедров был принят Дзержинским. Они знали друг друга еще со времен эмиграции. Незадолго до этой встречи они совместно разрабатывали меры борьбы с подрывными действиями контрреволюционного офицерства и другими противниками советской власти на Севере республики во время отражения иностранного вооруженного вторжения. Теперь же в связи с переводом ряда работников военного ведомства на чекистскую работу эта встреча с Дзержинским приобретала иной характер.

– Для нас очень ценен ваш личный опыт в формировании частей Красной армии и укреплении их боеспособности на Северном фронте, – заговорил с Кедровым Дзержинский. – В ВЧК создается новое подразделение – военный отдел, призванный взять на себя руководство деятельностью фронтовых и армейских ЧК, возглавить эту работу в масштабе страны. Есть предложение поручить руководство Военным отделом ВЧК вам.

– Это, честно говоря, для меня неожиданно. Но на раздумье, как я понимаю, времени нет. Я согласен. Буду просить помощи на первое время у коллектива чекистов, – ответил Кедров.

Так началась работа Михаила Сергеевича Кедрова в чекистских органах.

К тому времени борьбой со шпионажем против Красной армии занималось военное ведомство. Военные специалисты из Всеросглавштаба и его регистрационного управления вопросы борьбы с иностранным военным шпионажем пытались решать по устоявшимся схемам контрразведки царской армии. В мае 1918 года в Красной армии была создана специальная служба военного контроля. В ее системе были развернуты довольно многочисленные подразделения как в центральном аппарате военного ведомства, так и во фронтовом и армейском звеньях. Эти подразделения возглавляли, как правило, коммунисты, но привлекались в качестве специалистов и сотрудники старой контрразведки. Органы военконтроля в ряде случаев успешно боролись с военным шпионажем. Вместе с тем проникшие в них под видом специалистов противники советской власти превращали отдельные подразделения военконтроля в очаги контрреволюции. Осенью 1918 года в Вологодском отделе военконтроля была раскрыта тайная белогвардейская организация, которая занималась шпионажем в пользу англичан, вербовкой и переброской в Архангельск бывших офицеров для пополнения белогвардейских отрядов.

Кедрова волновала и такая проблема, как подотчетность подразделений военконтроля. Они существовали при соответствующих штабах и подчинялись командованию и начальнику штаба.

Военный отдел ВЧК, руководство которым было поручено Кедрову, фактически еще не существовал. В условиях обострившейся критики деятельности ВЧК и местных ЧК, развернувшейся в тот период на страницах печати, среди некоторой части партийных и советских работников и командно-политического состава в центральных учреждениях Красной армии, разобраться в чекистской работе по военной линии было непросто.

Кедров понимал, что левацкие заявления некоторых ответственных работников о необходимости упразднения ВЧК не только глубоко ошибочны, но и крайне опасны, так как играют на руку врагам.

Кедров был достаточно информирован о том, что разведки Англии, Франции и США, опираясь на внутреннюю контрреволюцию, развертывали против Советской России интенсивную разведывательно-подрывную работу, одним из главных объектов которой была молодая Красная армия.

Комплектование Военного отдела ВЧК проходило не без трудностей. Сказывалась нехватка надежных и опытных кадров. Получил назначение в этот отдел и А. Х. Артузов, инженер-металлург по образованию. Он не без основания считал себя учеником Кедрова. Был знаком с ним с гимназической поры, под его личным влиянием пришел в революцию. Он возглавлял особое бюро при Московском окружном военном комиссариате. Это чекистское подразделение участвовало в проверке бывших офицеров до зачисления их на службу в части и учреждения Красной армии. Во второй половине декабря 1918 года в Военном отделе ВЧК было создано военно-регистрационное бюро, которое приступило к регистрации бывших офицеров.

Деятельность ЧК на фронтах и в армиях встречала подчас возражения со стороны комиссаров, создававшихся в тот период армейских политических органов. В таком реагировании сказывались в определенной мере последствия и отзвуки необъективных суждений о чекистской работе в ходе дискуссии о ВЧК. Так, деятельности Кедрова противостояли с одной стороны враги, а с другой – свои.

В первый период своего руководства Особым отделом ВЧК Кедрову пришлось столкнуться с открытым саботажем медицинских работников. В начале 1919 года по всей стране была объявлена мобилизация медицинского персонала для отправки на фронт. Эту мобилиза-

цию некоторые медицинские работники встретили в штыки. Под разными предлогами они не являлись на медкомиссии для освидетельствования или предъявляли «документы», освобождающие от призыва в армию за «непригодностью». Такой «документ» в те времена нетрудно было купить на Сухаревском рынке. В середине мая 1919 года группа работников Особого отдела ВЧК во главе с М. С. Кедровым была направлена в Петроград, с заданием обезвредить силы внутренней контрреволюции, связанной с иностранными миссиями. Незадолго до этого были подавлены восстания на фортах Серая Лошадь и Красная Горка. Для проведения этих операций Кедров имел мандат от Дзержинского, дававший ему широкие полномочия. В состав группы входили работники следственного органа Особого отдела ВЧК Владимир Дмитриевич Фельдман, Иоган Фридрихович (Иван Федорович) Тубала, старший сын Кедрова Игорь Михайлович и несколько латышских стрелков. Позднее в Петроград приехал заместитель Кедрова по особому отделу Иван Павлович Павлуновский. Вся работа группы осуществлялась через Петроградскую ЧК, которую возглавлял тогда Филипп Демьянович Медведь (все вышеуказанные чекисты в конце тридцатых были расстреляны).

М. С. Кедров разработал остроумный и весьма эффективный план вылавливания Петроградских контрреволюционеров. Идея плана основывалась на том, что многие иностранные посольства и миссии в Петрограде превратились в своеобразные центры контрреволюции. Для врагов советской власти они стали местом явок. Здесь они получали оружие и продовольствие, информацию. По всему городу одновременно были произведены массовые обыски в буржуазных кварталах, в пустующих зданиях, подвалах и на чердаках. Операция была неожиданной для контрреволюционных заговорщиков, и это способствовало ее успеху. Иностранные посольства и миссии в обычных условиях пользуются правом экстерриториальности. Но в данном случае иностранные послы и консулы столь грубо попирали все нормы международного права, так нагло и открыто вмешивались во внутренние дела нашей страны, что выход оставался единственный. Решено было одновременно занять все без исключения иностранные миссии и посольства и устроить там засады, задерживая всех проходящих. Расчет оказался правильным. За несколько суток удалось захватить большое количество бывших офицеров, членов знатных фамилий и других лиц, участвовавших в подготовке контрреволюционного выступления в Петрограде.

Кедров сам участвовал в организации засад, а затем и в допросе арестованных. При этом Михаил Сергеевич строго следил за тем, чтобы в отношении кого бы то ни было не допускались грубость и насилие. Сам Кедров по отношению к арестованным держался очень корректно.

– Моя группа стала производить обыск в доме номер четыре по Строгановской улице, в особняке швейцарской миссии, – вспоминал впоследствии Кедров. – В кладовках у «нейтральных» швейцарцев оказалось шестьдесят девять револьверов разных систем, один маузер, четыре охотничьих ружья, много опечатанных в ящиках патронов и снаряженных обойм...

Группа Кедрова уже в другом месте обнаружила замурованные в подвале двести с лишним ящиков и сейфов с серебряными изделиями фирмы Фаберже и несметное количество часов разных марок, сданных на хранение питерскими капиталистами.

– Оружие и боеприпасы пошли на дело обороны. То, что принадлежит местным коммерсантам, передадим Госбанку, а все остальное – на усмотрение Народного комиссариата иностранных дел, – говорил Кедров.

Проверка задержанных во время обысков, расследование дел участников офицерской заговорщической организации в Кронштадте дали массу ценных данных о подрывной работе контрреволюционеров на Петроградском фронте, что способствовало последующему разоблачению Петроградского отделения монархической организации «Национальный центр».

Чекисты ликвидировали ряд вражеских гнезд. Во время обысков было изъято 6625 винтовок, 644 револьвера, станковые пулеметы, более 140 тысяч патронов, ручные гранаты, взрывчатка. Вражеский замысел взорвать Петроградскую оборону изнутри провалился.

Обстановка в те напряженные дни 1919 года и тактика вражеских шпионов требовали усиления контроля за передвижением в прифронтовой зоне. На это М. С. Кедров обращал особое внимание военных чекистов. Проверка подозрительных лиц, а при необходимости и их обыск давали положительные результаты. В середине июня недалеко от Луги близ линии фронта красноармейский наряд попытался задержать неизвестного в военной форме, который пробирался в сторону противника. Тот, отстреливаясь, бросился бежать. Однако был поражен метким выстрелом. У убитого обнаружили документы на имя Александра Никитенко и пачку дорогих папирос. При их тщательном осмотре в одном из мундштуков была найдена записка с зашифрованными шпионскими сведениями, адресованными одному из сподвижников Юденича, белогвардейскому генералу Родзянко. Записка имела подпись «Вик». Через несколько дней близ линии фронта были задержаны двое, пытавшихся нелегально пробраться в Финляндию. У них нашли шпионские донесения с подписью «Вик».

Кедров лично руководил розыском «Вика». И они увенчались успехом. Им оказался крупный деятель кадетской партии, бывший член Городской Думы, глава патентной фирмы «Фосс и Штейнингер» Вильгельм Иванович Штейнингер. Являясь членом руководства Петроградского отделения контрреволюционного «Национального центра», он направлял действия заговорщиков, при этом ловко заметал свои следы. В засаду, оставленную на квартире Штейнингера, вскоре попался бывший генерал Махов. При допросе 30 июля Штейнингер показал: «...генерал Махов Михаил Михайлович – представитель Юденича». Кроме того, Штейнингер выдал и ряд других лиц, что дало возможность и дальше разматывать клубок шпионских организаций.

В шифровальном письме от 14 июля 1919 года Штейнингера имелись указания на существование белогвардейской организации в Москве. Произведенные в Москве обыски и аресты обнаружили существование двух организаций белогвардейцев: политической, возглавлявшейся кадетами, и военно-технической, вербовавшей своих сторонников из старого офицерства. Весомые результаты дал обыск, произведенный у известного московского кадета, бывшего члена Государственной Думы III и IV созывов, крупного домовладельца Н. Н. Шепкина, у которого на дворе в деревянной стене в жестяной коробке были найдены собственноручное донесение Деникину о дислокации наших войск, шифры, различные удостоверения.

Большое внимание Михаил Сергеевич Кедров уделял укреплению кадрового состава особых отделов. Не заслуживающие доверия лица отсеивались.

27 марта 1919 года на заседании СНК М. С. Кедров был утвержден членом комиссии Народного комиссариата внутренних дел. Таким образом, на Кедрова была возложена вся полнота ответственности за положение дел в особых отделах.

Михаил Сергеевич был обаятельным человеком. Простой и скромный, он все время ходил в гимнастерке и сапогах. Никогда не кичился своими заслугами. Так говорили о нем те, кто работал с ним в двадцатые годы. За честность, прямоту и удивительное трудолюбие Кедрова очень уважал и любил Дзержинский. Не имея собственной жилой площади в Москве, Михаил Сергеевич скитался по городским гостиницам. И когда он обратился к Дзержинскому за помощью, Феликс Эдмундович написал записку: «Дать тов. Кедрову квартиру. Она ему нужна не столько для проживания, сколько для работы».

М. С. Кедров с первых шагов деятельности особых отделов отводит подобающее место правовым вопросам. Он стремится к максимально возможному в условиях Гражданской войны использованию права для борьбы с контрреволюционным подпольем и шпионажем. Ему всегда было чуждо сухое, бездушное, формальное отношение к делу, каким бы оно ни являлось. Везде он искал новых путей, новых интересных форм работы, отдавая ей свой блестящий организаторский талант, ум и горение. Работу чекиста, беспощадного к врагам, Михаил Сергеевич удивительно умел сочетать с решением высокочеловеческих задач борьбы за жизнь и счастье людей, ради чего он не щадил самого себя. За борьбу с контрреволюцией Кедрову было при-

своею звание Почетного чекиста и выдан ценный подарок – рояль лучшей марки, на котором он играл многие годы. Деятельность Кедрова за годы Гражданской войны была высоко оценена советской властью. В декабре 1927 года он награжден орденом Красного Знамени.

Кедров сумел, преодолевая противоречивые мнения военных авторитетов, выбрать и предложить Ф. Э. Дзержинскому, коллегии ВЧК единственно правильное решение в организации военной контрразведки Красной армии. Немногим более полугода возглавлял он советскую военную контрразведку, но за это короткое время она превратилась в четко функционирующий боевой орган. В успешном выполнении задач ограждения Красной армии и флота от происков контрреволюции и иностранных шпионов в годы Гражданской войны, которое обеспечивали особые отделы, есть несомненная заслуга их первого руководителя.

В 1921–1922 годах М. С. Кедров выполнял поручения Совета Труда и Оборона, а также ГПУ – ОГПУ на Южном Каспии, в Закавказье и на Нижней Волге. Знакомая с работой Азербайджанской ЧК, председателем которой был Багиров, а его заместителем – Берия, Кедров обнаружил грубейшие нарушения революционной законности и произвол со стороны Берии. Принципиально оценив конкретные факты, Кедров решил сообщить о них специальным письмом на имя Ф. Э. Дзержинского в Москву. В письме указывалось, что Берия арестовывал и привлекал к уголовной ответственности невиновных людей по явно непроверенным, а иногда и сфальсифицированным материалам и в то же время необоснованно прекращал уголовные дела на лиц, в отношении которых имелись неопровержимые доказательства их враждебной деятельности против советской власти. Михаил Сергеевич просил Ф. Э. Дзержинского рассмотреть вопрос об отстранении Берии от работы в чекистских органах как человека, не заслуживающего, по его мнению, политического доверия. Письмо Кедров вручил сыну и просил передать в Москву Дзержинскому. Тот привез письмо в Москву, отдал в ЧК, но по неизвестным причинам оно не попало к Ф. Э. Дзержинскому, и Берия остался на ответственной работе.

Во время пребывания на Кавказе Кедров активно участвовал в работе местных партийных и советских органов, в укреплении их проверенными кадрами. Он был избран членом Бакинского Совета.

У М. С. Кедрова большой послужной путь. Он работал в ВСНХ и Наркомате здравоохранения, был младшим помощником прокурора Отдельной военной прокуратуры Верховного суда СССР, трудился в Госплане РСФСР. С 1936 года начинает работу в Научно-исследовательском институте нейрохирургии Наркомздрава СССР.

Жизненный путь Кедрова оборвался трагически. В апреле 1939 года он был арестован, содержался во внутренней тюрьме НКВД. На суде 9 июля 1939 года оправдан Верховным судом СССР – редкий случай в то время. Несмотря на это, люди Берии не выполнили указание суда о немедленном освобождении.

В октябре 1941 года Берия отдал письменное распоряжение о расстреле без суда 25 арестованных по списку, составленному Меркуловым и Кобуловым. В этот список был включен и Кедров. В октябре 1941 года был расстрелян. Берия опасался его разоблачений. Он знал об отношении Кедрова к нему. И еще не без оснований боялся того, что Кедрову известно его участие в контрразведке муссаватистского правительства Азербайджана.

На суде по делу Берии в период с 18 по 23 декабря 1953 года объяснение во враждебной деятельности он признал полностью. «Я уже показал суду, в чем я признаю себя виновным. Я долго скрывал свою службу в муссаватистской контрреволюционной разведке. Однако я заявляю, что, даже находясь на службе там, не совершил ничего вредного», – говорил Берия в последнем слове на суде.

Судьба сыновей Михаила Сергеевича сложилась по-разному. Один умер от тифа в первые годы советской власти, второй, Игорь, с 1930 года служил в органах госбезопасности. До 1937 года – оперуполномоченный иностранного отдела Главного управления госбезопасности, затем помощник начальника и начальник отделения ИНО ГУГБ НКВД СССР. Старший лейтенант

госбезопасности. В ноябре 1938 года откомандирован на работу в Усольский ИТЛ НКВД. В 1939 году уволен из органов НКВД и расстрелян.

В 1954 году М. С. Кедров и его сын Игорь были реабилитированы. Третий сын, Бонифатий, 1903 года рождения, стал заметным ученым. Академик Бонифатий Михайлович Кедров возглавлял Институт истории естествознания и техники АН СССР. В 1985 году Бонифатий Михайлович скончался. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище².

² См.: Ленчевский Ю. С. Из архива госбезопасности. Соратник Дзержинского // «Граница России», № 22–23, 2003.

Глава 2. Вехи жизни

Артур Христианович Артузов родился 17 февраля 1892³ года в селе Устиново, ныне Кашинского района Тверской области. Выходец из семьи швейцарского итальянца, сыродела, переселившегося в Россию. Семья отца Артура Христиановича Фраучи приехала в Россию в 1881 году и поселилась в имении помещика Попова Апашково Тверской губернии, где работал Петр Фраучи, старший брат Христиана, прибывший в эти края двумя годами раньше. Вскоре семья покинула обжитую усадьбу и переехала на новое место.

Христиан Петрович часто перебирался из одной усадьбы в другую – в жизни юного Артура переездов было немало. Эти перемещения семьи зависели от того, в какой степени владелец или управляющий нуждался в услугах лучшего в губернии мастера-сыровара. Живя в имении Николаевка, сыровар Христиан Фраучи женился на Августе Дидрихиль, в жилах которой была кровь латышская и эстонская. Один из ее дедов был шотландцем. Молодая семья поселилась в имении Устиново Кашинского уезда Тверской губернии.

Что можно сказать о Кашине?

Захолустный Кашин в летописи упоминается с 1238 года. В нем в большом количестве производились белила. Кашинские белила продавались по всей Европе. А еще были в нем целебные источники. По легенде, когда Тверской князь Михаил Ярославович пал на чужбине от рук врагов, княгиня Анна, получив печальную весть, стала его горько оплакивать. Там, куда падали ее слезы, земля разверзлась и начали бить целебные ключи, а в 1884 году в Кашине на этих источниках открылась лечебница.

Здесь 17 февраля 1892 года и родился первенец. Его называли Артуром Евгением Леонардом. Затем родились еще три дочери и два сына. В России вторые и третьи имена не были приняты, поэтому впоследствии они сами собой отпали.

Артур рос хорошим ребенком, прежде всего потому, что первым его воспитателем и наставником стал человек высоких моральных качеств – его мать Августа Августовна Фраучи. Именно она сформировала характер мальчика. Жить без фальши... К этому он был приучен. Сестра Артура Вера Христиановна вспоминала:

«Зерно образа человека закладывается еще в детстве. В этом отношении мой брат Артур не исключение.

В нашей семье главным авторитетом была мама. Мы никогда не видели ее усталой, хоть и несла она самую тяжелую ношу. На ее красивом, приветливом лице мы, дети, всегда видели ласковое, любящее выражение.

Если отец, молчаливый и вечно чем-то озабоченный, не часто находил для нас теплое слово, то мать была снисходительна и добра. (...)

Когда Артур сделался постарше, мать руководила его чтением. Тут она предстала перед ним и нами как мечтательница. Она не представляла свою жизнь без книги и называла ее своей второй землей...

Артур окончил новгородскую гимназию с золотой медалью. Мама ликовала. Мы все нашли свое место в жизни. Я стала литературным работником, младший брат Виктор – профессором медицины».

Еще в детстве Артур овладел французским и немецким языками; будучи взрослым, самостоятельно выучил английский. В гимназические годы увлекался поэзией, любил Блока, Брюсова, Ахматову, пробовал сочинять сам.

³ В различных источниках называются также даты: 16,17,18 февраля 1889,1891 и 1892 гг. – Прим. ред.

Артур, по словам сестры, был любимцем мамы: это можно было определить по тому, с какой нежностью она смотрела на него. Безусловно, ее влияние на Артура, как и на других детей, оставило свой след.

У матери Артура было всего четыре класса образования. В свое время она жила в Вологде, где младшие сестры учились в гимназии, а она, как старшая, опекала их. В Вологде жило тогда много ссыльных революционеров. Сестры водили с ними знакомство, приносили от них книги, в том числе по истории России. Эти книги очень увлекли Августу, от природы пытливую и любознательную. К тому же она обладала отличной памятью и живым воображением...

С радостью ожидал Артур и новых встреч с дядей Мишей и дядей Колей. Для него они были необыкновенно интересными, всегда желанными взрослыми друзьями, людьми загадочными и притягательными. Они привозили с собой необычные книги (особенно Артуру запомнилось дарвиновское «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле "Бигль"» в чтении дяди Миши), говорили с мальчуганом, как с равным, о серьезных вещах. Позднее Артур понял, что дядя Миша и дядя Коля были профессиональными революционерами – большевиками. Как он позднее узнал, Михаил Сергеевич Кедров и Николай Ильич Подвойский и некоторые их друзья приезжали в усадьбу не только для того, чтобы навестить семью Фраучи, но и для того, чтобы укрыться на время от царской охранки.

Так уж вышло, что далекий от политики Христиан Фраучи и русские революционеры Михаил Кедров и Николай Подвойский стали свояками. Они были женаты на родных сестрах – Августе, Ольге и Нине Дидрикиль.

Ольга и Нина были единомышленницами своих мужей. Занималась активной революционной деятельностью и их сестра Мария: долгое время она работала вместе с известным публицистом, будущим председателем ОГПУ Вячеславом Рудольфовичем Менжинским.

Михаил Сергеевич Кедров сыграл в жизни юного Артура Фраучи роль чрезвычайно большую.

Михаил Сергеевич Кедров после смерти отца, осенью 1906 года, получил большое наследство – несколько домов в Москве по 1-му Зачатьевскому переулку близ Остоженки. Он продал эти дома за 100 тысяч рублей золотом и часть денег передал в фонд большевистской партии. На остальные средства в Петербурге Кедров открыл легальное издательство «Зерно». Поскольку над ним по-прежнему висела угроза ареста, он жил в Питере нелегально, по паспорту рогачевского мещанина Михаила Сергеевича Иванова, учащегося курсов стенографии Сапонько на Невском проспекте. Издательство пришлось зарегистрировать на подставное лицо – литератора Б. Б. Веселовского.

Очередные летние каникулы Артура Фраучи провел в Петербурге. Одетый в отглаженную гимназическую форму, он раскатывал на извозчике по данным ему дядей Мишей адресам и развозил пакеты с литературой, которую получал в издательстве на Невском или в типографии «Русская скоропечатня», размещавшейся в доме номер 94 по Екатерининскому каналу.

Вполне естественно, что Артур не только распространял нелегальную литературу, но и читал ее с жадным интересом. На это подталкивали и частые беседы с Кедровым, который не уставал наставлять своего юного соратника:

– Люди перестанут мыслить, когда перестанут читать...

Специалисты находили, что при желании он вполне мог бы стать профессиональным оперным певцом. А пока что студент-политехник успешно исполнял теноровые партии в одиннадцати спектаклях, поставленных актерами-любителями в Народном доме. Через много лет Артур Христианович, уже будучи и начальником одного из ведущих отделов и членом коллегии, охотно выступал на сцене клуба ОГПУ перед сотрудниками, исполнял чаще всего арии Радамеса из «Аиды», Хозе из «Кармен», романсы, в том числе свой любимый «Я не сержусь» на музыку Шуберта, который пел на немецком языке.

Активное участие в нелегальных кружках, другие увлечения не мешали Артуру серьезно овладевать будущей профессией. Звездой первой величины в Политехническом институте заслуженно считался профессор Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, крупнейший инженер-металлург России, видный ученый, создатель первой теории печей. Громоподобный – так не без основания называли за глаза профессора – заметил способного студента Фраучи и, когда тот получил диплом инженера, пригласил его в свое знаменитое Metallургическое бюро, находившееся на Большом Сампсониевском проспекте, близ Литейного моста.

Лучшей школы для молодого инженера Фраучи и придумать было нельзя. Здесь генерировались самые прогрессивные технические идеи. За два с небольшим года бюро разработало свыше ста типов различных печей и иного оборудования.

Сослуживцы и сам Громоподобный прочили Артуру Фраучи блестящую карьеру на инженерном поприще. Но в Петрограде началась Февральская революция, едва ли не сама собой, во всяком случае, никакой заслуги в этом российских социал-демократов не было, свалилась с обветшалого и абсолютно недееспособного дома Романовых царская корона. Из ссылок, тюрем, эмиграции стали возвращаться революционеры. Правда, большевикам после июльских событий вновь пришлось перейти на полулегальное, а кому и вовсе на нелегальное положение.

Артур Христианович отыскал в Питере Николая Подвойского, который возглавлял организацию при Петроградском комитете РСДРП(б), и изъявил желание работать с большевиками, с сожалением оставив свою профессию. Впрочем, тогда он верил, что еще вернется к своей мирной, хотя и «горячей», цвета расплавленного металла работе. Увы...

В декабре 1917 года Артур Фраучи вступил в партию большевиков, но по независящим от него причинам партбилет он получил лишь в середине лета 1918 года.

С весны 1917-го после возвращения из эмиграции Кедрова Артур, ранее поддерживавший группу «Единство» Г. В. Плеханова, постепенно переходит к большевикам. В Октябре он работал в Военной организации Петроградского комитета РСДРП(б), выполняя поручения Подвойского. Там он познакомился с будущими своими начальниками – Вячеславом Рудольфовичем Менжинским и Генрихом Григорьевичем Ягодой.

Следующие полтора года (с декабря 17-го до августа 19-го) Артур работал под непосредственным руководством Кедрова. Сперва в Петрограде – секретарем «Комиссариата по демобилизации армии» – (Демоб), тогда же вступил в партию, затем в Москве занимался организацией органов снабжения создаваемой Красной армии, а весной 18-го «уехал с «Ревизией тов. Кедрова» осуществлять Октябрьскую Революцию на нашем Севере. (Арест «Архангельского правительства Городской Думы», ликвидация волнений в разломленном соглашателями флоте (Целед-флот), пере выборы Арх. Совета (прежний состав еще не играл руководящей роли в политике Севера) и прочее.)

Для обследования положения в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Иваново-Вознесенских губерниях, относящихся к русскому Северу, принятия надлежащих мер, в первую очередь разгрузки Архангельского порта, Совнарком решил послать в те края специальную Советскую Ревизию народного комиссара М. С. Кедрова с широкими полномочиями. Соответствующий мандат за подписью Ленина был вручен Кедрову 23 мая. В Ревизию входило сорок сотрудников и команда из тридцати трех латышских стрелков для охраны. Артур Фраучи был назначен секретарем Ревизии.

Артузов участвовал в организации первых отрядов, оказавших сопротивление союзным отрядам на Севере (в Мурманске высадился английский десант, затем французы и американцы, и к началу июля здесь уже находилось до 17 тысяч интервентов, которых поддерживали до 5 тысяч белогвардейцев), был Начальником Подрывной Группы, а затем начальником Головного Ремонтного поезда, позже инспектором Снабжения наших отрядов, пока не была организована Армия (впоследствии шестая)...

Был участником ликвидации ряда предательских действий как отдельных командиров наших частей, так и целых отрядов. Участвовал в ликвидации контрреволюционной организации полковника Куроченко, имевшей целью организацию предательства и измены наших частей в пользу союзников.

Это и было началом чекистской деятельности.

Возвратившись в Москву, организовал при Штабе тов. Муралова разведку в Московских резервных полках для выявления измены спецов и нужд красноармейцев.

Там же, на Севере, Артур Фраучи взял себе фамилию Артузов, под которой работал в дальнейшем, и в августе 18-го первый раз женился – на Лидии Слугиной.

Еще не будучи формально сотрудником ВЧК, Артузов на Севере начинает свою службу в создававшейся с большим трудом советской контрразведке.

В Москве, проработав 2 месяца начальником Военно-осведомительного бюро МВО, на такой же срок становится начальником активной части отдела Военного контроля РВСР (под руководством «дяди Миши» Кедрова), а после передачи военной контрразведки в ВЧК – особоуполномоченным Особого отдела (Управления особого отдела) ВЧК под начальством сперва Кедрова, а затем Дзержинского.

В Особом отделе Артузов работал заведующим оперотделением, начальником 12-го спецотделения, в январе 1921 года становится помощником, а в июле того же года – заместителем начальника Особого отдела ВЧК (как уже отмечалось, с июля 1920 года на этом посту Дзержинского сменил Вячеслав Рудольфович Менжинский). Как писал сам Артур Христианович в автобиографии, «с 1920 года на правах члена Коллегии (по внутричекистским вопросам)» он участвовал в ликвидации и следствии по делам известных контрреволюционных организаций «Национальный центр» и «Тактический центр».

Тогда же в ВЧК объявился знакомец Артузова еще по Петрограду семнадцатого года, причем на достаточно ответственной должности – управляющего делами Особого отдела, – Генрих Ягода.

Ягода приходился троюродным братом Якову Свердлову. В свое время Свердлов дал ему рекомендацию, но лишь на «рядовую работу». Однако, используя колоссальный авторитет умершего весной председателя ЦИК Республики, Ягода достаточно быстро продвигался по карьерной лестнице. Менее чем через год Ягода уже член коллегии ВЧК и управляющий делами ВЧК. (Впоследствии Ягода вторично породнился со Свердловым, женившись на его родной племяннице Иде Авербах. Брат Иды – малоизвестный литературный критик Леопольд Авербах – возглавлял пресловутую РАПП – Российскую ассоциацию пролетарских писателей, нанесшую немалый ущерб развитию советской литературы).

Так уж сложилось в жизни Артузова, что ему довелось служить под началом Генриха Ягоды – Еноха Гершеновича.

Глава 3. Менжинский и Артузов

Вячеслав Рудольфович Менжинский родился в Санкт-Петербурге 1 сентября (19 августа) 1874 года.

Мать В. Р. Менжинского Мария Александровна была одной из образованнейших женщин своего времени, все свободное время посвящала кружку, который объединял передовых, демократически настроенных женщин. Но в 90-е годы Мария Александровна тяжело заболела и отошла от общественной деятельности.

Весь быт семьи Менжинских был пронизан интересом к просвещению, культуре, передовым идеям эпохи. Поэтому неудивительно, что огромный интерес у мальчика вызывали Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Крылов, о поэзии которых в семье шли непрерывные разговоры. Увлечение мальчика поэзией было настолько сильно, что «с восьми лет, – вспоминала старшая сестра, – он писал стихи, исписывая ими целые тетради. Быть писателем казалось ему тогда высшим призванием человека».

Его отец Рудольф Игнатьевич стремился дать хорошее образование сыну. В первые дни осени 1886 года перед Вячеславом Менжинским открылись двери 6-й гимназии, которая помещалась у Чернышева моста через Фонтанку. Жили в это время Менжинские в небольшой квартире в доме № 9 по Ивановской улице, в Московской части Петербурга.

Первым следствием чтения книг по естественной и гражданской истории, увлечения произведениями революционных демократов было то, что Менжинский в 16 лет перестал верить в Бога, прекратил ходить в церковь.

Весной 1893 года юноша получил аттестат зрелости. В нем утверждалось, что Вячеслав Менжинский за время пребывания в 6-й Санкт-Петербургской гимназии с первого по восьмой класс обнаружил весьма большую прилежность, показал отличные успехи и окончил ее с золотой медалью.

Педагогический совет рекомендовал В. Р. Менжинского, «отличившегося хорошим поведением и успехами в науках», для поступления в Петербургский университет, и в августе 1893 года Вячеслав Менжинский стал студентом юридического факультета Петербургского университета.

По числу обучавшихся в нем студентов юридический был самым многочисленным. На 1 января 1894 года в университете числились 2675 студентов, из них на юридическом факультете половина – 1335 человек. Подавляющее большинство студентов – вчерашние гимназисты.

Студенческие годы Вячеслава Менжинского совпали с периодом острой политической борьбы и дискуссий между либеральными народниками и марксистами.

В 1895 году В. Р. Менжинский становится пропагандистом студенческого марксистского кружка по политической экономии, тогда же он переводит на русский язык отчет об Эрфуртском съезде социал-демократической партии и принятую съездом программу.

Уже в студенческие годы Менжинский был неплохим конспиратором. Несмотря на слежку за студентами, особенно революционно настроенными, он, активный участник студенческих беспорядков, не попадает в поле зрения Охранного отделения.

В 1898 году Менжинский окончил юридический факультет.

После окончания университета Менжинский – младший кандидат на должность по судебному ведомству при Петербургском окружном суде (Кабинетная улица, дом № 14, кв. № 5), а затем помощник присяжного поверенного частной адвокатской конторы, помещавшейся в доме № 11 по Финляндской улице на Выборгской стороне.

Вячеслав Рудольфович принял решение связать свою судьбу с пролетарской партией и стать профессиональным революционером в момент, когда только что устроилась его семейная жизнь. 23 августа 1902 года он вступил в брак с двадцатилетней Юлией Ивановной Бурзи.

Через три недели, 15 сентября того же 1902 года, Петербургский комитет оформил принадлежность Менжинского к РСДРП. А вскоре Петербургский комитет направил его на работу секретарем партийного комитета Невского района, то есть на такую работу, которая поручалась профессиональным революционерам.

Активная революционная деятельность Менжинского долгое время оставалась неизвестной охранке. Он попадает в поле зрения жандармов в начале 1904 года. В жандармском списке служащих управления постройки железнодорожной линии Вологда – Вятка на 27 января 1904 года значилось: «4. Помощник правителя дел Менжинский Вячеслав Рудольфович. Знакомство ведет с лицами неблагонадежными в политическом отношении». Это первое упоминание о «неблагонадежности» Менжинского в полицейских документах.

В начале 1904 года в связи с русско-японской войной в газете «Северный край» открылся военный отдел. Заведовать этим отделом издатели пригласили Менжинского, известного в ярославских кругах широкой образованностью и знанием нескольких иностранных языков. Возможно, это приглашение было организовано большевиками, работавшими в редакции газеты. С приходом Вячеслава Менжинского в редакцию «Северного края» газета стала еще более боевой.

Во время первой парижской встречи Дзержинский и Менжинский говорили об Италии, о Капри, где Дзержинский провел несколько месяцев в 1910 году, о Горьком, с которым Феликс Эдмундович встречался довольно часто.

С целью самообразования, знакомства с английским рабочим движением Менжинский в 1912 году выезжал в Англию, где провел шесть месяцев. Начало Первой мировой войны застало Менжинского в Париже.

В августе – октябре 1917 года В. Р. Менжинский – член редколлегии газеты «Солдат». В то же время он член Всероссийского Бюро военной организации РСДРП(б).

С октября 1917 года В. Р. Менжинский – комиссар Петроградского ВРК при Министерстве финансов. Участник штурма Зимнего дворца.

С ноября 1917 года по январь 1918 года он заместитель Наркомата финансов. В марте 1918 года назначен Наркомом финансов.

В марте – апреле 1918 года – член Президиума Петроградского Совета.

В апреле – ноябре Менжинский – Генеральный консул РСФСР в Берлине.

Деятельность Генерального консула в Берлине была многогранной. Наряду с участием в торговых переговорах Менжинский защищает интересы Советского государства и российских граждан, оказавшихся в Германии. Проводить консульскую работу приходилось в крайне неблагоприятных условиях, в обстановке постоянной враждебности.

В конце октября 1918 года в Берлин проездом из Швейцарии прибыл Дзержинский – бритый, в элегантном европейском платье, совсем не похожий на того «железного Феликса» в длинной солдатской шинели, каким его привыкли видеть с Октябрьских дней в Петрограде. Он инкогнито ездил на свидание с женой, Софьей Сигизмундовной, задержавшейся в эмиграции. В Берлине Дзержинский пробыл несколько дней. В беседах с послом Иоффе и консулом Менжинским знакомился с положением в Германии.

В декабре 1918 года Менжинский – Член Коллегии НКВД.

В январе – августе 1919 года – заместитель Наркома РКИ УССР и член коллегии Всеукраинской ЧК.

С сентября 1919 года – особоуполномоченный Особого отдела ВЧК.

В феврале – июле 1920 года – заместитель начальника, в июле 1920 года – начальник Особого отдела и член коллегии ВЧК.

Под руководством Менжинского были пресечены подрывные действия американской разведки, ликвидировано 89 крупных банд общей численностью 56 тысяч человек⁴.

Артуру Христиановичу довелось работать непосредственно с Вячеславом Рудольфовичем Менжинским. Особенно по делу «Национального центра»⁵.

Нить к раскрытию шпионской организации дал арест некоего С. В. Роменского, занимавшего должность помощника управляющего делами Военно-законодательного совета Всевоглавштаба.

Роменский был арестован чекистской засадой на квартире Алферова поздно вечером 9 октября. При обыске на его собственной квартире нашли подготовленные в дорогу чемоданы, планы Москвы и Петрограда с пометками красным и синим карандашами и переписку, из которой следовало, как говорится в протоколе обыска, «что гражданин Роменский не уверен в прочности существования советской власти». Фамилию Роменского называли в предыдущих показаниях и другие арестованные.

...Утром в кабинет Менжинского ввели стройного, подтянутого человека в военной форме. Блондин с зачесанными назад волосами и гладко выбритыми щеками, которому на вид можно было дать лет 28–30, держался спокойно и уверенно, всячески стремился подчеркнуть свою независимость и случайность задержания.

– Причины ареста не знаю, – твердо заявил он.

Из допроса выяснилось, что Роменский – юрист по образованию, до революции служил юрисконсультom Министерства торговли и промышленности в Петрограде, был секретарем Особого совещания по обороне государства, при Керенском был прикомандирован к канцелярии Военного министерства и оставался секретарем Особого совещания. После революции – на советской службе, состоит членом профсоюза музыкантов, играет на скрипке, любит музыку.

Сидевший перед Менжинским человек обладал и завидной выдержкой, и волей: он спокойно и уверенно, не дрогнув ни одним мускулом лица, отвечал на все вопросы.

Однажды Менжинскому доложили, что Роменский написал на волю записку. Ее должен был вынести из тюрьмы арестованный, который за непричастностью к делу освобождался из заключения.

В тот же день записки (их оказалось две, а не одна) были в руках следователя Особого отдела.

В первой записке, предназначенной «Елене Осиповне», Роменский писал:

«Я оторван от внешнего мира и ничего не знаю, что делается. Я никого до сих пор не выдал, несмотря на пять допросов. Упоминают имя шефа, требуют, чтобы я его назвал. Наказание: расстрел или лагерь. Ходатайство необходимо. СР, 27 октября 1919 года».

Содержание второй записки:

«Б. Харитоньевский пер., 14, кв. 2. Госпоже Баранцевой.

...Мои дела скверны, и едва ли мы увидимся. Крестник моего отца – комиссар финансов Крестинский. Может быть, вы сумели бы поговорить с ним о смягчении приговора. Всего хорошего вам, Ив. П. и Наталочке. 27 ок. 1919 г. СР».

Через несколько дней Менжинский и Артузов докладывали Дзержинскому.

– После долгого допроса Роменский наконец согласился давать чистосердечные показания на условиях, что ему будет сохранена жизнь, а его показания не будут публиковаться.

Когда было дано согласие на эти условия, тот показал, что шпионские сведения он, Роменский, получал от члена Военно-законодательного совета, бывшего генерала Маковского, а также некоего Абрамова. Миллер на допросе 12 октября также подтвердил, что Абрамов занимался шпионажем...

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. – Москва: «Советская энциклопедия», 1983.

⁵ Гладков Т., Мозохин О. Менжинский – интеллигент с Лубянки. – М.: «Яуза», «Эксмо», 2005.

– Что нового показал Роменский о переходе фронта?

Артузов и Менжинский видели, что Феликс Эдмундович торопится, и постарались сжато изложить суть показаний Роменского.

– Некая Вера Ивановна Герц познакомила Роменского с мужем, Владимиром Аполлинарьевичем, который командует полком на тульском участке. Когда начался разгром организации, Роменский собрался бежать на фронт, к Деникину. Герц, знавший об организации, должен был дать Роменскому документы красноармейца и помочь перейти линию фронта.

– Пароль к Деникину?

– Наибольшую цену Роменский придает этому своему показанию. Этим, мол, я открываю вам фронт. Пароли для перехода на деникинском фронте «Дон – Кубань», а на Северном фронте – «Северная Двина – Волга...».

– Роменский сказал, конечно, не все. Но нить к этой шпионской организации в наших руках, – сделал вывод из доклада Дзержинский. – Сегодня я выезжаю в Петроград, займусь Петроградским «Тактическим центром» и шпионской сетью Поля Дюкса. Вам, Вячеслав Рудольфович и Артур Христианович, надлежит силами Особотдела выявить шпионскую сеть в Москве, Туле, Серпухове. Будьте очень осторожны, чтобы не спугнуть раньше времени. Роменского изолировать от остальных заключенных. Готовьте план операции, вернусь из Петрограда – посоветуемся. В случае необходимости действуйте самостоятельно. О ходе следствия, Вячеслав Рудольфович, информируйте ЦК.

Поздно вечером в тот же день Дзержинский выехал в Петроград.

В Москве продолжалась борьба с разведкой Деникина. Это была борьба ума и воли. Начатая в кабинетах следователей, она продолжалась в штабах и учреждениях Красной армии, где принимались срочные меры, чтобы предотвратить утечку секретных сведений.

Менжинский, Артузов, следователи проводили допросы арестованных, очные ставки, выявляли участников организации, еще находившихся на свободе после сентябрьских арестов.

Им удалось установить состав шпионской организации, выявить каналы связи и переправки шпионских донесений через фронт, удалось также выявить честных ротозеев из штабов, которые своей беспечной болтовней способствовали утечке секретных сведений.

Особому отделу стали известны общefронтовой пароль, пароль для перехода линии боевых действий на Западном и Северном фронтах, а также пароль к предателю Герцу, который занимался переправкой деникинских агентов через фронт. В отличие от фронтовых, пароль к Герцу был цифровой: «77» – пропуск – и «37» – отзыв.

Менжинскому и Артузову также стало известно, что скрывшийся от ареста член штаба Тихомиров готовит нападение на ВЧК силами роты огнеметчиков и отряда охраны Главсахара, где еще сохранились члены белогвардейской организации.

Удалось установить, что прятавшийся в Сходне генерал Стогов имеет своих людей в Серпухове, что на связи с ними состоит некий Петр Федорович, проживающий по Новинскому бульвару.

Менжинский и Артузов работали дни и ночи. В архивном деле о «Штабе добровольческой армии Московского района» сохранились документы, свидетельствующие, что Вячеслав Рудольфович работал в ВЧК даже в Октябрьские праздники девятнадцатого года. Так, 7 ноября он вновь допрашивал Роменского по поводу фронтового пароля и пароля к Герцу.

Ведя следствие по делу заговорщицкой организации, Менжинский, Артузов, другие следователи стремились доказать не только вину активных участников организации, но и невиновность людей, случайно попавших в засады на квартирах заговорщиков, или людей, оклеветанных врагами. Участники заговора, стоя одной ногой в могиле, стремились оговорить, оклеветать некоторых честных старых военспецов, твердо ставших на сторону народа. Так, они пытались оклеветать ученика и последователя Н. Е. Жуковского, преподавателя высшей математики на стрелковых курсах Соколовского.

Разбив белогвардейцев под Орлом и Воронежем, Красная армия перешла в наступление по всему Южному фронту. Успехи на Южном фронте вдохновили бойцов Красной армии под Петроградом. Войска Юденича были разбиты. Их жалкие остатки бежали в Эстонию. Шпионская сеть Поля Дюкса в Петрограде и штабе 7-й армии была разгромлена, а подпольное кадетско-буржуазное правительство арестовано.

Настала очередь полной ликвидации шпионской сети, созданной в Москве и Подмосковье агентами Деникина и интервентов. Менжинский и Артузов доложили Дзержинскому схему организации и план предстоящей операции.

План был рассмотрен, силы расставлены, и в один из зимних дней шпионы-генералы и рядовые оказались за решеткой.

Разгром «Национального центра», его военно-технической и шпионской организации, был большой заслугой Особого отдела ВЧК. Видную роль в ликвидации заговора, особенно шпионской организации заговорщиков, сыграл В. Р. Менжинский.

А. Х. Артузову довелось ряд лет работать под руководством В. Р. Менжинского, деятельность которого были весьма ощутима в ВЧК.

Менжинский и Коллегия ВЧК принимают меры к укреплению транспортных органов ВЧК.

Наступление Красной армии на Украине и в Белоруссии продолжалось. Были освобождены Киев, Минск, Вильно. Победы Красной армии способствовали революционному подъему в Польше. В конце июля в Белостоке, освобожденном Красной армией, был создан Польский революционный комитет во главе с Юлианом Мархлевским. В состав Польского ревкома вошел и Дзержинский.

Дзержинский писал, что президиум ВЧК упраздняется, что ЦК утверждена Коллегия ВЧК в составе 12 человек. В состав вошли Ф. Э. Дзержинский, И. К. Ксенофонтов, Я. Х. Петерс, В. А. Аванесов, М. С. Кедров, М. Я. Лацис, В. Р. Менжинский и другие.

30 июля 1926 года Вячеслав Рудольфович Менжинский был назначен Председателем ОГПУ и оставался на этом посту до конца своей жизни.

В. Р. Менжинский оставил след в истории Российского государства и как общественный деятель. Он член ЦК ВКП(б) с 1927 года, член ВЦИК СССР. Деятельность Менжинского была достойно оценена: он был награжден в 1924 году орденом Красного Знамени.

Помимо прочего, Менжинский сыграл активную роль в операциях по поимке Б. В. Савинкова и агента английской разведки С. Рейли, о чем будет рассказано далее.

Глава 4. Беспощадная борьба с контрреволюцией

Весной 1918 года сложная и опасная обстановка стала складываться в Северных районах республики, особенно в Архангельске и Мурманске. Советское правительство четко осознавало, что именно здесь следует в первую очередь ожидать интервенции со стороны бывших союзников России. Антанта рассматривала север как удобный плацдарм для продвижения вглубь страны. К тому же морские коммуникации, связывающие Мурманск и Архангельск с европейскими портами, позволяли интервентам, особенно англичанам с их сильнейшим тогда в мире флотом, легко перебрасывать сюда и войска, и боевую технику.

К началу июля в Мурманске под командованием английского генерал-майора Ф. Пуля находилось уже около 8 тысяч солдат и офицеров. Позднее их количество возросло до 16–17 тысяч, к тому же к интервентам присоединилось до 5 тысяч белогвардейцев.

Перед молодым Советским государством встали новые непростые задачи.

Для обследования положения в Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской и Иваново-Вознесенской губерниях, относящихся к русскому Северу, принятия надлежащих мер, в первую очередь разгрузки Архангельского порта, Совнарком решил послать в те края специальную Советскую ревизию народного комиссара М. С. Кедрова с широкими полномочиями. Соответствующий мандат за подписью Ленина был вручен Кедрову 23 мая. В Ревизию входили сорок сотрудников и команда из тридцати трех латышских стрелков для охраны. Артур Фраучи был назначен секретарем Ревизии.

Шли боевые действия на Северном фронте. Был образован штаб фронта, в котором Артур Артузов стал начальником инженерного отдела. В обязанности Артузова и его сотрудников входили инженерное обеспечение войск, организация диверсий во вражеском тылу и т. п., быть может, потому Артузову и пришлось заниматься и контрразведывательными делами. Постепенно именно эта работа стала для него самой интересной, а затем и главной.

В 1918 году в жизни Артузова произошло еще одно важное событие. 10 августа он женился. Его избранницей стала подруга сестры Евгении – учительница Лидия Дмитриевна Слугина.

В 1918 году ВЧК разгромила многие контрреволюционные организации, но самая разветвленная и опасная из них – белогвардейско-кадетский «Национальный центр» – уцелела, хотя и понесла серьезные потери.

Операция ВЧК по его ликвидации началась летом 1919 года в районе Петрограда. Она потребовала мобилизации всех сил чекистского аппарата, привлечения воинских подразделений и вооруженных рабочих отрядов. Главным руководителем операции был Феликс Дзержинский. Вместе с другими чекистами принял в ней участие и Артузов.

Артузов обдумывал материалы, полученные от Вячеслава Рудольфовича, в которых речь шла о заговоре.

В начале июля 1919 года на Лужском направлении красноармейский разъезд в перестрелке убил лазутчика, явно пробиравшегося в стан Юденича. При нем нашли документы на имя офицера Александра Никитенко. Раз сопротивлялся, значит, было ради чего. Тщательно обыскали убитого – в мундштуке в папиросе обнаружили крохотный листок. Из текста стало ясно: участники крупной контрреволюционной организации в Петрограде искали связь с белогвардейским командованием. В записке говорилось: *«Генералу Родзянко или полковнику С. При вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки, и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим вас, не найдете ли возможным выработать свой пароль. Предлагается следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова "во что бы то ни стало" и "Вик" и в то же время дотронется рукой до правого уха, тот будет известен нам...»*.

Для контрразведчиков этот листочек послужил своего рода ниточкой, ведущей к руководителям заговора. Были раскрыты отдельные его звенья. Но глубоко законспирированное ядро еще предстояло выявить.

Вскоре ВЧК получила новые данные о зреющем заговоре. 14 июля 1919 года в районе Белоострова при попытке уйти на финскую территорию были задержаны некто Самойлов и Боровой-Федотов. У них нашли письмо-донесение о дислокации частей 7-й армии, наличии на складах боеприпасов и действиях в Петрограде трех контрреволюционных организаций. Письмо-донесение подписал таинственный ВИК. Кстати, и на листочке, найденном у Ники-тенко, стояла эта же подпись. Задержанные также признались, что письмо-донесение им вручил для передачи в штаб Юденича Вильгельм Иванович Штейнингер, владелец известной фирмы «Фосс и Штейнингер». Чекисты арестовали его – он и оказался ВИКом⁶. При обыске у него нашли контрреволюционные воззвания, депеши из штаба Юденича.

В начале августа последовали новые аресты: в руках Петроградских контрразведчиков оказались барон Штромберг, князя Андронников, Оболенский и другие. Все они входили в «Национальный центр» Петрограда. У них был найден отчет московского отделения Центра. Но прямое свидетельство, что в Москве действует такая контрреволюционная организация, было получено чуть позже – в конце июля.

В Вятской губернии милиция задержала подозрительного человека, назвавшегося Николаем Карасенко, в мешке у которого обнаружили... миллион рублей. Задержанный оказался офицером разведывательного отдела штаба Колчака Николаем Крашенинниковым. Деньги он вез для московского отделения «Национального центра». (В общей сложности разными путями и в разное время для нужд «Национального центра» намечалось переправить 25 миллионов рублей.) Арестованный вместе с деньгами был препровожден в Москву. Из тюрьмы Крашенинников пытался передать на волю две записки, которые были перехвачены.

В одной из них он сообщал: «Я спутник Василия Васильевича, арестован и нахожусь здесь...». Во второй – просил заготовить ему документы и сообщить, «не арестован ли ННЩ?»⁷.

Естественно, контрразведчики должны были выяснить, кто скрывается за этими инициалами.

Из обширной информации, полученной от Менжинского, Артузов понял, что в Москве действует законспирированная контрреволюционная организация, чрезвычайно опасная. Его осенила догадка: только ли с Юденичем она связана напрямую? Не на связь ли с «Национальным центром» шел захваченный в Вятской губернии колчаковский курьер? У него нашли таинственные листочки, похоже, с шифрованным текстом. Ими уже занимался старый специалист по шифрам, много лет прослуживший в соответствующем отделе старого Генштаба. Удастся ли ему достаточно быстро разгадать шифровку? Шифровку разгадали. Из нее следовало, что Туле угрожает не Колчак, а Деникин. Выходит, заговорщики в Москве по приказу, полученному через колчаковского курьера, должны были оказать своей подрывной деятельностью, вплоть до восстания, содействие Деникину. Но кому адресован этот приказ? Курьер, помнится, на допросе говорил, что зашифрованный листок должен передать Коке. Арест помешал ему доставить приказ адресату, точнее, адресат должен найти его сам в условленном месте. Теперь там – чекистская засада. Но пока от нее не поступало никаких известий. Адресат не объявлялся.

Менжинский сказал Артузову: «Деникин до зимы торопится взять Москву. Уже и "Приказ № 1", и "Воззвание к населению Москвы" подготовил. По данным, которыми я располагаю, мятеж против советской власти может разразиться в ближайшие недели. Мы должны предупредить врага».

⁶ «ВИК» – инициалы Василия Ивановича Каменева – псевдоним В. И. Штейнингера.

⁷ Гладков Т. Награда за верность – казнь. – Москва: «Центрполиграф», 2000.

К Артузову стекались многие данные, относящиеся к «Национальному центру». Хотя они и были весьма разрозненными, но даже по ним можно было представить масштабы и цели заговора, а также тех, кто стоял во главе его. Прежде всего это загадочный ННЦ.

На допросе, проведенном членом коллегии ВЧК Варлаамом Александровичем Аванесовым, Крашенинников показал, что деньги он вез для нужд «Национального центра» и должен был передать неизвестному ему ННЦ и что в ближайшее время этому Центру от Колчака будут переправлены новые миллионы.

Таким образом, в руках ВЧК оказались три нити: расшифрованная инструкция Деникина о приблизительных сроках восстания, подтвержденная Крашенинниковым версия, что в Москве существует разветвленная контрреволюционная организация «Национальный центр», наконец, допущение, что один из ее руководителей – некий ННЦ.

Одна учительница пришла к Дзержинскому и поделилась с ним подозрениями в отношении директора школы номер 76 – некоего Алферова Алексея Даниловича. Дзержинский дал распоряжение понаблюдать за Алферовым. Вскоре поступили сведения, что директор школы ведет странный образ жизни и на его квартире собираются подозрительные люди – и штатские, и военные. Он поддерживает связи с бывшим крупным деятелем партии кадетов и депутатом Государственной Думы Николаем Николаевичем Щепкиным, лояльность которого к советской власти была весьма сомнительна.

Артузову пришла на ум мысль сопоставить псевдоним Кока с именем Николай. А ННЦ? Не начальные ли это буквы имени, отчества и фамилии? Если так, то ННЦ, выходит, Николай Николаевич Щепкин?

Догадка подтвердилась: Крашенинников, после того как его записки, отправленные из тюрьмы через подкупленного караульного, оказались в Особом отделе, признался, что он пытался наладить связь именно с Щепкиным, которому раньше уже был доставлен миллион рублей от Колчака другим курьером.

Следовало немедленно арестовать Щепкина. Руководить арестом Щепкина поручили заместителю начальника Особого отдела Ивану Петровичу Павлуновскому. Тем не менее Дзержинский решил лично участвовать в операции. Ленин, получив накануне доклад Павлуновского по делу «Национального центра», написал Дзержинскому: «...На эту операцию... надо обратить сугубое внимание. Быстро и энергично, и пошлере надо захватить»⁸.

Арест Щепкина и обыск в его квартире стали кульминацией в разгроме «Национального центра». Кроме «Национального центра» в Москве существовали еще две крупные контрреволюционные организации: Союз возрождения России и Совет общественных деятелей. Они-то и объединились в Тактический центр. Программа Тактического центра носила компромиссный характер. Но все входящие в него организации стремились к тому, чтобы на данном этапе в России установить единоличную власть военного диктатора для наведения в стране «порядка» и разрешения всех экономических и социальных проблем на основе восстановления священного права частной собственности.

В Тактический центр входили: от Союза возрождения России – бывший редактор журнала «Голос минувшего» профессор С. П. Мельгунов, от Союза общественных деятелей – бывшие товарищи (заместители) министра внутренних дел Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев, от «Национального центра» – Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов и князь С. Е. Трубецкой.

При Тактическом центре была образована особая военная комиссия для связи с подпольными военными группами, которые контрразведчикам еще предстояло раскрыть, причем в кратчайшие сроки.

⁸ Там же.

В области внешней политики программа Тактического центра была проста: не допускать никаких соглашений иностранных держав с РСФСР, просить Атланту оказать материальную и вооруженную помощь белым армиям.

Во время обыска у Щепкина чекисты нашли в тайнике обыкновенную консервную банку. Банку вскрыли, внутри – тонко скрученные листочки, плотные картонки. Артузов быстро просмотрел узенькие полоски бумаги, исписанные мелким почерком. Один из листочков Артузов положил перед Дзержинским:

– Прочтите, Феликс Эдмундович.

Дзержинский взял листок, и брови его гневно сдвинулись, обозначив у переносья глубокую, словно шрам, морщину.

– Что ж, товарищ Артузов, все ясно. Оформляйте протокол. Щепкина – арестовать.

Председатель ВЧК рывком запахнул длинную кавалерийскую шинель и, не взглянув на затрясшегося домовладельца, вышел из кабинета.

Дзержинскому было от чего выйти из себя: в его присутствии чекисты перехватили адресованное Деникину, только что принятое постановление Реввоенсовета республики о сосредоточении фронтовых резервов в районе Тулы. Постановление было секретным, напечатано накануне, а уже нынешней ночью оказалось в квартире Щепкина! Через день-два этот документ уже изучали бы деникинские штабисты, а там не заставила бы себя ждать и большая беда. Чего только не было в жестянке: изложение плана действий Красной армии в районе Саратова, список ее номерных дивизий, подробное описание Тульского укрепрайона, сведения об артиллерии одной из армий, о фронтовых базовых складах. И записка с таким текстом:

«Начальнику штаба любого отряда прифронтовой полосы. Прошу в срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб верховного разведывательного отделения... полковнику Хартулари». (Экспертиза впоследствии установила, что депеши были написаны Щепкиным).

У Щепкина была найдена и фотопленка. На ней – переснятые письма Н. И. Астрова, В. С. Степанова, князя П. Д. Долгорукова – деятелей кадетской партии, окопавшихся в штабе Деникина. В одном из писем говорилось: «Пришло длинное письмо дяди Коки, замечательно интересное и с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы... Наше командование, ознакомившись с сообщенными вами известиями, оценивает их очень благоприятно, они раньше нас прочитали ваши известия и весьма довольны».

Стало ясно, кто такой Николай Николаевич Щепкин? Он Кока, ННЩ.

А в одном из писем, изъятых у Щепкина, говорилось: «Передайте Колчаку через Стокгольм: Москвин прибыл в Москву с первой партией груза (имеется в виду колчаковский агент, доставивший ННЩ первую денежную посылку. – Т. Г.), остальных нет. Без денег работать трудно. Оружие и патроны дороги. Политические группы, кроме части меньшевиков и почти всех эсеров, работают в полном согласии. Часть эсеров с нами. Живем в страшной тревоге, начались бои у Деникина, опасаемся его слабости и повторения истории с Колчаком... Настроение у населения в Москве вполне благоприятное... Ваши лозунги должны быть: "Долой Гражданскую войну!", "Долой коммунистов!" "Свободная торговля и частная собственность!" О Советах умалчивайте... В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна»⁹.

Во время обычной облавы на Мальцевском рынке в Петрограде милиционеры задержали девочку лет пятнадцати. Она попыталась выбросить револьвер. Естественно, милицию заинтересовало, откуда у нее оружие и для чего? Задержанная оказалась девицей не слишком умной, но весьма экзальтированной. Жоржетта, так ее звали, выложила следователю целый ворох несуразиц. Начала она с того, что револьвер нашла, а закончила тем, что позаимствовала

⁹ Там же.

его у папы, чтобы отомстить некоему Полю, или Павлу Ивановичу, за то, что он не отвечает ей взаимностью.

Вся эта чепуха не произвела на чекистов никакого впечатления, кроме... ссылки на папу. Папой Жоржетты оказался бывший французский гражданин, преподаватель французского языка в средней школе, некто Илья Романович Кюрц. Было установлено, что в прошлом Кюрц служил агентом в царской разведке. Однако еще при старом режиме его по весьма основательному подозрению в «двойной игре» от серьезных и секретных дел отстранили. Сомнительные связи Кюрца вынудили чекистов принять решение тщательно осмотреть его квартиру. При обыске в тайнике был обнаружен архив со шпионскими донесениями и адресами явок. На допросе Кюрц сознался, что он принимал активное участие в белогвардейском заговоре, целью которого было поднять мятеж в Петрограде накануне вторжения в город войск генерала Юденича, к тому же Кюрц работал на офицера английской разведки Поля Дюкса, имевшего несколько кличек. Где находился Дюкс в настоящее время, Кюрц не знал, но назвал одну из конспиративных квартир, которой пользовался матерый английский шпион. (Позднее было установлено, что Дюкс уже зимой покинул Петроград: будучи превосходным спортсменом, перешел Финский залив на дырявой лодке.)

В качестве хозяйки квартиры Дюкса Кюрц назвал Надежду Владимировну Петровскую. В июне 1919 года она уже привлекалась чекистами по делу Штенингера. Однако тогда доказать ее активное участие в контрреволюционном заговоре не удалось. К тому же не верилось, чтобы Петровская, в свое время оказывавшая содействие петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса, перешла на сторону контрреволюции.

Артузов допрашивал в Москве Петровскую. В результате Петровская помогла задержать члена коллегии Главтопа, профессора Николая Николаевича Виноградского, опознав его на бульваре Чистые пруды. Виноградский назвал фамилию одного из руководителей Совета общественных деятелей и Тактического центра – Сергея Михайловича Леонтьева. Затем Виноградский сознался, что был связан с резидентом английской разведки Дюксом.

На очередном допросе арестованный рассказал о записке, в которой давалась подробная характеристика различных сторон государственной и общественной жизни Советской республики, составленной Центром для информации стран Антанты, а также о встречах руководителей организации с приезжавшим нелегально в Москву начальником деникинской разведки полковником В. Д. Хартулари и с другими Белогвардейскими эмиссарами.

Сентябрь 1919 года. Щепкин арестован, но Алферов еще оставался на свободе.

Контрразведчики уже знали, что существует штаб Добровольческой армии Московского района. Предстояло выяснить, кто им руководит. Время подгоняло. До назначенного срока вооруженного мятежа оставались, возможно, считанные дни. Тула, правда, не была взята Деникиным, но положение было по-прежнему серьезным.

Лишь самые доверенные лица знали, что именно Ступин вместе с бывшим генерал-лейтенантом Николаем Николаевичем Стоговым стоит во главе штаба Добровольческой армии Московского района. И уж совсем единицам было известно, что бывший начальник Ступина – руководитель оперативного отдела Всеглавштаба, бывший генерал С. А. Кузнецов — и есть тот самый человек, который снабжал Деникина и Колчака особо ценными секретными документами. Однако собравшиеся не знали, что Кузнецов арестован чекистами.

– Прошу прощения господ, опоздал по уважительным причинам, – раздеваясь, произнес Ступин. Пригладив редющие на макушке волосы, он занял свободное место, хорошо освещенное лампой.

– Господа, если не возражаете, я вкратце обрисую создавшуюся обстановку, – начал Алферов разговор. – Некоторые наши товарищи заметили по косвенным признакам, что за ними ведется слежка. Следовательно...

– Следовательно, – подхватил мысль хозяина квартиры Ступин, – это означает, что ЧК напала на след организации и нам не избежать арестов.

– Каков же выход из положения? – спросил Алферов.

– Выход один – форсировать подготовку восстания. Я кое-чему научился на службе у большевиков.

Слова Ступина были созвучны мыслям каждого, сидевшего за этим столом. И Алферов, и Миллер, и Сучков видели в бывшем подполковнике опору организации, ее надежду. Словно почувствовав это, Ступин с еще большим жаром принялся излагать военный план:

– Обстановка вынуждает нас выступить без промедления. Запомните – срок выступления 21–22 сентября.

Ступин вынул из кармана френча сложенную карту, разложил перед собой:

– Господа мне было поручено разработать план захвата Москвы. Я вам его доложу. Доложу без уточняющих деталей, поверьте на слово: план разработан на основе выношенного опыта, с учетом требований тактики и стратегического замысла генерала Деникина. Реввоенсовет и ЧК, конечно же, будут отвлечены главным – не сдать Москву. Все, кто способен держать оружие, уйдут на фронт. Понятно, что в такой момент легче всего овладеть столицей.

Обведя присутствующих близорукими глазами, Ступин замолчал. Он ждал, что последует вопрос о точном времени мятежа. Но всем было предельно ясно. Офицеры молча одобрили план восстания.

– Начать предлагаю в восемнадцать ноль-ноль, – сказал Ступин.

– Почему в восемнадцать? – засомневался кто-то. – Ведь недаром говорится, что утро вечера мудренее.

– Только в восемнадцать, – настаивал на своем Ступин. – Ночь должна стать нашей союзницей. Выступление планирую начать одновременно в городе и за его пределами. Восстания в Вишняках, Волоколамске и Кунцеве должны сыграть вспомогательную роль, они отвлекут силы красных из столицы. Москву я разделил на два боевых сектора. Сходящимися ударами сил двух секторов мы должны сломить разрозненное сопротивление красных войск, укрепиться на линии Садового кольца и повести оттуда наступление на центр города. Первоочередная цель – захват почты, телеграфа, правительственных зданий. Затем последует штурм Кремля. Конечная цель – арест Ленина и комиссаров.

Центр восточного сектора – Лефортово. Его силами командует Василий Александрович Миллер. Западный сектор – в подчинении полковника Талыпина. Сергей Иванович в первую очередь должен позаботиться о захвате радиостанции на Ходынке, чтобы возвестить всему миру о падении советской власти в Кремле.

Ядро наших сил, господа, – это восемьсот кадровых офицеров. Кроме того, мы можем рассчитывать на некоторые войсковые части и курсантов. Оружия достаточно, оно хранится в трех военных школах, находящихся под нашим контролем, а также в тайниках, разбросанных по всему городу.

– У меня все, господа.

Вопросов больше не последовало. Алферов поднялся со стула и на правах хозяина провозгласил тост:

– За удачу, за полное осуществление этого плана, за доблестного полковника Ступина, его автора!

Гости Алферова по одному покидали квартиру, уверенные в своей удаче. Они не могли знать, что в ЧК в эти часы вырабатывается контрплан, основные идеи которого были предложены Дзержинским.

Ночью супруги Алферовы были арестованы.

25 ноября 1919 г. ВЧК опубликовала сообщение о ликвидации контрреволюционного заговора в Петрограде:

«Усилиями Петроградской Чрезвычайной комиссии, особого отдела ВЧК и особого отдела Н-ской армии в Петрограде раскрыт крупный белогвардейский шпионский заговор, в котором принимали участие крупные сановники царского режима, некоторые генералы, адмиралы, члены партии кадетов, «Национального центра», а также лица, близкие к партии эсеров и меньшевиков.

Вся деятельность заговорщиков протекала под бдительным наблюдением агентов Антанты, главным образом английских и французских, которые руководили всем делом шпионажа, финансировали заговор и держали в своих руках нити его»¹⁰.

Организация имела связь во всех штабах, систематически снабжала Юденича сведениями военно-оперативного характера. С помощью бывшего начальника штаба Н-ской армии, полковника генерального штаба Люндеквиста, разработала и послала Юденичу план общего наступления на Петроград.

При первой неудаче Юденича под Детским Селом начальник оперативной части Балтийского флота, бывший начальник оперативного отдела Н-ской армии и генерального штаба полковник Медиокрицкий разработал и послал Юденичу план повторного наступления Юденича, которым должно было поправить положение. В то же время под руководством Люндеквиста и бывшего адмирала Бахирева организацией был разработан план восстания в Петрограде, которое должно было начаться в момент подхода войск Юденича к окраинам города.

Политической частью организации было сформировано новое правительство, которое должно было в момент занятия северо-западное правительство. В состав нового правительства должны были войти: председатель – профессор Быков, министр финансов – бывший товарищ министра при Николае II сенатор Вебер, министр путей сообщения – инженер Альбрехт, по вероисповедным делам – бывший товарищ министра при Керенском Карташов, министр народного просвещения – бывший попечитель Петроградского округа Воронов, морской министр – адмирал Развозов и его заместитель – адмирал Бахирев.

В сообщении также указывалось, что все главы белой гвардейской организации, а также все поименованные «министры», за исключением находящегося за границей Карташова, арестованы.

В опубликованных материалах¹¹ о раскрытом в Петрограде заговоре упоминается английский агент Поль Дюкс, связанный с влиятельными эмигрантами и с руководителями «Национального центра», финансировавший заговор и участвовавший в подборе членов белогвардейского правительства. Это именно Поль Дюкс выступил в «Таймс» с целой серией больших статей о Советской России. «Как раз в тот момент, когда Антанта направляла Юденича на Петроград, в «Таймс» и других английских газетах того же направления началась новая бешеная кампания против Советской России и поднялась новая волна лжи и клеветы. Главное место в этой кампании занял Поль Дюкс. Его, как якобы действительного знатока России, «Тайме» противопоставила профессору Гуду и депутату Малону. Характерно для Поля Дюкса то, что он разыграл из себя якобы рабочего, тредюниониста, сочувствующего идеалу Ленина, любящего русские трудящиеся массы, долго среди них вращавшегося и знавшего их насквозь. Эта лживая маска способствовала влиянию его статей на наивных читателей. Поль Дюкс якобы все время жил как рабочий среди рабочих, поступил в Красную армию, находился в ней как рядовой красноармеец среди других красноармейцев и якобы знает насквозь все, что думает русский рабочий класс. Он якобы отправился в Советскую Россию, для того чтобы изучить на месте новый строй в самой гуще народной жизни. Он рассказывает подробно, как он, человек, долго живший в России и отлично владеющий русским языком, переодетый русским крестьянином,

¹⁰ «Известия ВЦИК», № 264(816), 25 ноября 1919 г.

¹¹ «Известия ВЦИК», № 267(819), 28 ноября 1919 г. // Сообщение отдела печати Народного комиссариата иностранных дел Об английском шпионе Дюксе.

перебрался ночью через реку, составляющую границу между Россией и Финляндией, и под видом крестьянина беспрепятственно дошел до Петрограда, где легко устроился на работу.

Крайне коварно составленные, его статьи тем более могут действовать на легковверного читателя, что Поль Дюкс избегает в них тех крайностей чудовищной лжи, которой западный читатель перестал верить. Он не говорит ни о национализации женщин, ни о горах трупов на улицах городов, он не рисует ужасающих картин фантастических пыток в подвалах чрезвычайек – он старается ближе держаться к обыденной жизни, причем вся серия его статей имеет целью доказать, что коммунизм пользуется всеобщей ненавистью, что в Петрограде жаждут прихода Юденича, что вся Москва жаждет прихода Деникина, что белогвардейские лидеры являются народными героями и что весь русский народ жаждет, чтобы его покорил Англия. Все это он иллюстрирует якобы слышанными им разговорами с отлично подделанными народными прибаутками. Именно тем он содействует впечатлению от своих статей, что сам прикидывается объективным наблюдателем, безобидным человеком без задних мыслей.

Из опубликованных материалов мы теперь знаем, кто такой на самом деле Поль Дюкс. Агент английского правительства, способствовавший назначениям членов контрреволюционного правительства, вращавшийся в самой аристократической среде контрреволюции и сыпавший громадными суммами»¹².

«Ловкий антантовский агент сумел на страницах, "Таймс" прикинуться простачком, между тем как имеющиеся в наших руках материалы сорвали с него маску, – говорилось в этом документе. – Перед нами один из самых активных и злостных руководителей подпольных заговоров и контрреволюционных наступлений на Советскую Россию. Надо надеяться, что этот поучительный случай поможет западному читателю меньше верить тем якобы рабочим и якобы тред-юнионистам, которых мировая реакция выдвигает вперед в своей кампании лжи и клеветы», – говорилось в сообщении отдела печати Народного комиссариата иностранных дел.

¹² Цит. по кн.: Кошель П. А. История сыска в России. Кн. 2. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/koshel/14.php.

В борьбе с врагами молодого государства

Глава 5. Документы ВЧК

История все полнее раскрывает коварную роль российской и иностранной буржуазии, не гнушавшейся никакими средствами, для того чтобы задушить советскую власть и вернуть себе господствующее положение.

Сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания русская буржуазия встала на путь развертывания кровопролитной борьбы, на путь террора и заговоров. Уже 27 октября, т. е. на третий день после победы вооруженного восстания в Петрограде, бывший глава Временного правительства Керенский собрал в районе Северного флота казачьи части под командованием генерала Краснова и двинул их на столицу. При активном содействии английских и немецких империалистов генерал Каледин поднял антисоветский мятеж и создал на Дону контрреволюционное областное «правительство». На Украине центром контрреволюционного восстания против советской власти являлась буржуазно-националистическая Центральная Рада. В Белоруссии контрреволюционеры организовали антисоветское выступление польского корпуса под командованием монархиста генерала Довбур-Мусницкого. По указанию военных миссий США Англии и Франции Белорусская рада формировала полки для борьбы против Советской России.

На востоке, в оренбургских степях, против советской власти поднял мятеж ставленник английского империализма атаман Дутов. В Средней Азии агенты американского и английского империализма разжигали гражданскую войну. В центре страны свергнутые эксплуататорские классы, реакционная часть офицерства и чиновников царского государственного аппарата, кулачество, разного рода буржуазные националисты и иные враги социалистического строя предпринимали все возможное для свержения советской власти. Они организовывали и осуществляли заговоры, саботаж, террористические акты, диверсии и т. п.

Создавалась исключительно сложная и тяжелая обстановка. В этих условиях молодая Советская республика должна была организовать ответные меры борьбы с контрреволюцией. Необходимо было создать вооруженные силы, а также специальные органы, способные твердо и решительно поддерживать революционный порядок, своевременно обнаруживать и пресекать вражеские вылазки.

Чрезвычайные комиссии в первоначальный период своей деятельности, не имевшие опыта разведывательной и контрразведывательной работы, успешно справлялись с серьезными и ответственными задачами по борьбе с контрреволюцией. Эти успехи в значительной степени явились результатом неразрывной связи чекистов с широкими массами трудящихся. В борьбе с контрреволюцией ВЧК постоянно опиралась на самостоятельность и активность революционных рабочих, указывающих на след контрреволюционеров.

Органы чрезвычайных комиссий вели борьбу с контрреволюцией на основе строго соблюдения революционной законности. Основным правовым документом, определявшим деятельность всех органов чрезвычайных комиссий, явилось постановление СНК от 20 декабря 1917 года, на основе которого было выработано «Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», утвержденное ВЦИК 28 октября 1918 года.

Важное значение имела написанная Ф. Э. Дзержинским в апреле 1918 года инструкция о производстве обысков и арестов, в которой говорилось о необходимости чуткого отношения к людям, даже если они подозреваются в преступлениях.

В записке И. С. Уншлихту Ф. Э. Держинский подчеркивал, что *«лучше в 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку, откуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас»*¹³.

Документы показывают, как осторожно органы ВЧК подходили к привлечению граждан к уголовной ответственности, с какой тщательностью проверяли каждый факт. Так, например, в приказе о карательной политике органов ЧК подчеркивалось, что нельзя производить аресты по подозрению или по социальному положению людей.

Инструкция для производящих обыск и записка о вторжении в частные квартиры и содержание под стражей¹⁴.

(Не ранее марта 1918 г.)

Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовало добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача, пользуясь этим злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишит человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель советской власти рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость – пятно, которое ложится на эту власть.

Инструкция для производящих обыск и дознание

1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность.
 2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое *вежливое*, никакие нравовращения и окрики недопустимы.
 3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда.
 4. Угрозы револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимо.
- Виновные в нарушении данной инструкции подвергаются аресту до 3 месяцев, удалению из Комиссии и высылке из Москвы.

Из памятки сотрудникам ЧК¹⁵

Июль 1918 г.

Что должен помнить каждый комиссар, следователь, разведчик, работая по розыску

Быть всегда корректным, вежливым, скромным, находчивым.

Не кричать, быть мягким, но, однако, нужно знать, где проявлять твердость.

Прежде чем говорить, нужно подумать.

¹³ В конце февраля 1918 года Ф. Э. Держинскому стало известно, что один из работников ВЧК допустил грубое обращение с арестованным. Держинский лично провел расследование по этому делу. На протоколе допроса от 11 марта имеется пометка Держинского: «Комиссия рассмотрела и решила сделать самые энергичные внушения виновным и в будущем предавать суду всякого, позволившего дотронуться до арестованного. Ф. Держинский».

¹⁴ Исторический архив. – Москва: Госполитиздат, 1958. № 1. С. 5–6.

¹⁵ ЦГАОР. Коллекция документов по истории ВЧК, д. 1.

На обысках быть предусмотрительным, умело предостерегать несчастья, быть вежливым, точным до пунктуальности.

Быть всегда в обращении с публикой вежливым, а при случае уметь проявлять твердость...

Каждый сотрудник должен помнить, что он призван охранять советский революционный порядок и не допускать нарушения его, если он сам это делает, то он никуда не годный человек и должен быть исторгнут из рядов Комиссии.

Быть чистым и неподкупным, потому что корыстные влечения есть измена Рабоче-Крестьянскому государству и вообще народу.

Быть выдержанным, стойким, уметь быстро ориентироваться, принять мудрые меры.

Если ты узнаешь где о небрежности и злоупотреблении, не бей во все колокола, так как этим испортишь дело, а похвально будет, если ты их тихо накроешь с поличным, а затем к позорному столбу перед всеми.

Храни как зеницу ока данные тебе поручения.

ПРИКАЗ № 94

Президиума ВЧК Губернским Чрезвычайным комиссиям об улучшении разъяснительной работы среди деревенской бедноты и усилении борьбы с контрреволюцией

4 декабря 1918 г.

В связи с военным налогом, мобилизацией лошадей и людей в деревнях, в глухих ее углах, кулаки и разбежавшиеся от преследования чрезвычайных комиссий белогвардейцы организуют вооруженные выступления и восстанавливают темную массу крестьянства против советской власти.

Предлагаем немедленно установить негласный надзор за всеми крупными селами и волостями, агитирующих арестовывать, выяснять личности и препровождать в уездные и губернские чрезвычайные комиссии.

При этом Президиум ВЧК обращает внимание губернских и уездных ЧК, чтобы при этом не страдала и не озлоблялась деревенская беднота, которую арестовывать не надо, а необходимо разъяснять, что эти махинации кулаков и пришедших белогвардейцев направлены к тому, чтобы свалить власть рабочих и крестьян и восстановить власть помещиков и капиталистов.

Предписывается связаться со всеми партийными ячейками коммунистов, комитетами деревенской бедноты.

Этот циркуляр отдать по уездным чрезвычайным комиссиям.

О результатах наблюдений доносить по инстанции.

Постановление

Совета рабочей и крестьянской обороны О порядке ареста ответственных служащих и специалистов

14 декабря 1918 г.

Ввиду того что аресты сотрудников советских учреждений и предприятий, производимые по постановлениям Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, нередко отзываются крайне болезненно на ходе работы этих учреждений и замена одних работников другими не всегда может быть произведена быстро и без ущерба для дела, между тем как обстоятельства настоящего момента требуют напряжения всех сил и использования всей энергии в борьбе с ополчившимся на Советскую Россию империализмом, Совет Рабочей и Крестьянской Обороны постановляет:

1. Предписать Всероссийской Чрезвычайной комиссии и ее местным органам во всех тех случаях, когда это представится возможным, предварительно извещать соответствующее ведомство относительно своих постановлений об арестах ответственных работников советских учреждений, а также всех специалистов, инженеров, техников, занятых в промышленных предприятиях и на железных дорогах, и обязательно в тех случаях, когда предварительное оповещение невозможно, не позднее 48 часов после ареста, извещать о нем соответствующее советское учреждение, сообщая также о существовании предъявленного арестованному обвинения.

2. Предоставить народным комиссариатам и губернским и городским комитетам Российской коммунистической партии через своих делегатов участвовать в следствии об арестованных чрезвычайными комиссиями граждан, причем чрезвычайные комиссии имеют право отвода делегированных представителей, внося в каждом таком случае мотивированные постановления об отводе на учреждение соответствующей высшей инстанции.

3. Предоставить народным комиссариатам, городским и губернским комитетам Российской коммунистической партии право освобождать из-под ареста всех тех из арестованных по постановлениям чрезвычайной комиссии, за кого представят письменное поручительство два члена коллегии комиссариата или два члена городского или губернского комитета Российской коммунистической партии.

4. Предоставить такое же право губернским и городским Советам депутатов под письменное поручительство всех членов Президиума, а равно и местным или центральным профессиональным союзам под письменное поручительство всех членов правления союза, причем Всероссийской Чрезвычайной комиссии предоставляется право отвода таких поручительств с перенесением в этих случаях дела в высшую инстанцию.

Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин)

Члены Совета: Сталин, Брюханов.

Распубликовано в № 274 «Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов» от 14 декабря 1918 года.

Приказ № 113

ВЧК местным чрезвычайным комиссиям об изменении и улучшении методов их работы

19 декабря 1918 г.

В целом ряде губернских и уездных городов, местечек Российской Социалистической республики, чрезвычайные комиссии не совсем верно усваивают и понимают политическую линию Советской власти, очень часто ЧК на местах усваивают такие методы и приемы борьбы, которые идут вразрез всей политике, которую Советская власть и наша партия намечают на ближайшее будущее, например:

1) в то время как Советская власть, сделавшись сильной и приступив к сознательной работе по налаживанию хозяйственного, военного механизма страны, для чего решено было использовать все колеблющиеся мелкобуржуазные, обывательские и буржуазные технические силы, ЧК на местах не дают возможности этого выполнить, арестовывая их на каждом шагу, чем идут вразрез с постановлением центра и дискредитируют ЧК как орган государственной власти;

2) в то время, когда нужно в высшей степени осторожно подходить к создавшемуся экономическому, военному и железнодорожному аппарату страны, относительно которых к деятельности ЧК было сделано особое постановление Высшего Совета Обороны 3 декабря 1918 года, целый ряд комиссий и местных властей его совершенно неправильно поняли и истолковали.

Основываясь на двух вышеприведенных примерах Президиума, ВЧК еще раз всем ответственным руководителям губернских чрезвычайных комиссий разъясняет, чтобы они на местах проводили общую политику Советской власти и не вели таковую вразрез политике центральной Советской власти и нашей партии.

Для этого необходимо методы работы ВЧК на местах несколько изменить, а именно:

1. Не терроризировать мирную обывательскую среду, а дать ей возможность окончательно убедиться в прочности и необходимости существования Советской власти. То же самое относительно рабочих и беднейших крестьян: надо быть сугубо осторожным и не терроризировать их в процессе борьбы с буржуем, кулаком.

2. Мелкобуржуазным элементам и всем социалистам необходимо дать полную возможность работать, однако, чтобы не имели возможности надуть Советскую власть, ЧК необходимо установить строжайшее негласное наблюдение и производить аресты у них только тогда, когда можно быть уверенным, что там имеются материалы, уличающие то или иное лицо, пробравшееся на советскую службу.

3. В занимаемых нами вновь областях прекратить террор мирного населения и прочистить советские ряды от примазавшихся элементов, которые спешат занять советские места, будучи явными врагами Советской власти.

4. Относиться в высшей степени осторожно к железнодорожному аппарату, давая возможность налаживать таковой.

5. Не толковать протокол Совета Обороны от 3 декабря с. г. как ограничение ЧК, а рассматривать его как переход ЧК к более сложным и осмотрительным, но не менее решительным приемам борьбы с настоящими врагами.

6. Необходимо помнить и иметь в виду, что центральная власть стоит на точке зрения беспощадной борьбы с действительными врагами и давая послабление и льготу от террора группам, пассивным к политической борьбе.

7. Центральная Советская власть совершенно не разделяет точки зрения мелкобуржуазных элементов, некоторых советских и даже наших партийных товарищей, не ослабляя режима против всех и вся, как это пытаются доказать многие, исходя из постановления Совета Обороны от 3 декабря с. г., а понимая это «ослабление», как сказано выше.

8. Обратить внимание местного комитета партии и исполкома, чтобы немедленно при ЧК была создана Контрольная коллегия, как это указано в инструкции, и чтобы эта Контрольная коллегия действовала как постоянный аппарат, не так, чтобы сегодня один, завтра другой вмешивались в деятельность ЧК.

9. С партийным комитетом в целом надо всегда вести самую тесную работу.

Это разъяснение отдать по уездным ЧК.

Зам. председателя Петерс

Зав. иногородним отделом В. Фомин

ЦГАОР Коллекция документов по истории ВЧК, т. 1, копия.

Приказ ВЧК № 174

Губернским чрезвычайным комиссиям с разъяснением постановления ВЦИК 23 июня 1919 г.

Всем Губчека

Прилагая при сем постановление ВЦИК от 22 июня 1919 года, ВЧК считает нужным указать вам, что с изданием настоящего декрета на ЧК возложены более чем когда-либо тяжелые задачи – очистка Советской республики от всех врагов рабоче-крестьянской России. В то время как Красная армия защищает наш внешний фронт, внутри страны белогвардейцы, пользуясь частичными нашими неудачами, поднимают головы и стараются связаться с заклятыми врагами пролетариата – Колчаками, Деникиными, финскими, польскими и иными белогвардейцами. В самом тылу нашей армии происходят взрывы мостов, складов, кража и сокрытие столь необходимого армии оружия и пр., и пр. Уголовные элементы также используются нашими белогвардейцами в своих целях. Во многих местах замечается усиление бандитизма, ограблений, хищения грузов и пр., и пр.

Чрезвычайные комиссии в настоящее тяжелое время должны проявить максимум энергии, максимум усилий к тому, чтобы обеспечить тыл нашей армии. Все чрезвычайные комиссии должны превратиться в боевые лагеря, готовые в любое время разрушить планы белогвардейских заговорщиков. Все явные и скрытые враги Советской России должны быть на учете ЧК и при малейшей попытке повредить революции должны быть наказаны суровой рукой. Чрезвычайным комиссиям с изданием сего декрета предоставлены широкие полномочия, с них и много потребуют. Ответственность за спокойствие и революционный порядок тыла возложена на ЧК. Все на боевые посты по охране революции – вот лозунг сегодняшнего дня ЧК. Вместе с этим ВЧК считает нужным указать, что суровое наказание ждет всех тех, кто вздумает злоупотреблять предоставленными ЧК правами. За применение прилагаемого декрета к каким-либо лицам в корыстных целях виновные будут расстреливаться. Ответственность за правильность проведения прилагаемого декрета возлагается на местные коллегии ЧК в целом и на председателей в частности.

Председатель ВЧК Ф. Дзержинский

Глава 6. Без передышки

Чекисты громили контрреволюционные организации, но сопротивление врагов молодого государства было сильным.

18 сентября 1919 года Дзержинский доложил на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) о мероприятиях ВЧК по разгрому заговорщических организаций! 9-20 сентября ВЧК арестовала всех основных руководителей заговора. 21 сентября Дзержинский доложил ЦК партии о ликвидации готовившегося в Москве восстания белогвардейцев.

23 сентября 1919 года в «Известиях ВЦИК» появилось обращение ВЧК ко всем гражданам страны по поводу разгрома «Национального центра» и опубликован список 67 главных заговорщиков, приговоренных военным трибуналом за измену и шпионаж к расстрелу. В общей сложности чекисты при поддержке красноармейцев и рабочих московских заводов арестовали около 700 участников контрреволюционных организаций, главным образом бывших кадровых офицеров¹⁶.

Три дня. Да, столько длилась завершающая часть операции по ликвидации «Национального центра» и штаба Добровольческой армии Московского района. Чем эта операция была для Артузова и его товарищей? Скорее всего, суровой школой профессионального мастерства контрразведчика.

И еще одним запомнятся Артуру Христиановичу эти напряженные дни и недели осени 1919 года: 13 сентября у него и Лидии Дмитриевны родился их первый ребенок – девочка, названная в честь матери Лидой. В их семье будут еще дети: 19 декабря 1920 года на свет появится вторая дочь Нора, а 18 декабря 1923 года – сын Камилл.

Новый 1920 год Артур Христианович Артузов встретил в своем кабинете на пятом этаже дома номер 2 на Лубянской площади уже ветераном Особого отдела ВЧК. Да-да, именно ветераном, потому как служил в отделе почти со дня его основания, хотя и прошел с той поры всего-навсего год с небольшим, да и ему самому не исполнилось еще и тридцати. Но каким был и для него, и для ВЧК, и для всей страны минувший год!

За восемьдесят с лишним лет своего существования органы государственной безопасности России меняли свое название – от романтического ЧК до нынешней аббревиатуры ФСБ – раз пятнадцать. Но в народе, да и в самом ведомстве их до сих пор называют одним словом – «Лубянка». Точно так же по сей день их кадровых сотрудников по-старинному именуют «чекистами».

Названия, производные от слова «Лубянка», в Москве носили площадь, две улицы и проезд в самом центре столицы, в полуверсте от Кремля. Однако с марта 1918 года это слово рождает – и тут уж ничего не поделаешь – ассоциации, ничего общего с топонимикой не имеющие...

Но почему все-таки «Лубянка»?

По одной версии, этот район Москвы получил такое название от слова «лубок»: именно здесь изготавливали и продавали по копеечной цене чрезвычайно популярные в простом народе картинки с нравоучительными подписями – «лубочные». По другой, прямо противоположной версии, сами картинки получили название от Лубянской площади, улиц Большая и Малая Лубянка, а также Лубянского проезда, где зародилось кустарное производство.

¹⁶ Главком штаба Добровольческой армии Московского района Н. Н. Стогов был осужден и приговорен к заключению в концлагерь. Оттуда бежал с подложными документами, сумел пробраться к белым. Врангель назначил его комендантом Севастопольской крепости. В эмиграции Стогов стал начальником военной канцелярии РОВС и председателем Общества офицеров Генерального штаба в составе РОВС. В деле «Национального центра» был серьезно замешан крупный русский ученый, директор Института экспериментальной биологии, будущий академик Николай Константинович Кольцов. Тогда он репрессирован не был и продолжил свою научную деятельность.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была образована постановлением Совета Народных Комиссаров 7 (20) декабря 1917 года. Примечательно, что первоначально в ней не имелось каких-либо служб по выявлению и пресечению иностранного шпионажа. Действовала ВЧК только в Петрограде и губернии. Из-за начавшейся Гражданской войны и интервенции примерно с марта 1918 года чрезвычайные комиссии стали создаваться в других губерниях и уездах.

Вначале ВЧК размещалась в знаменитом с царских времен доме номер 2 по Гороховой улице. После переезда правительства в Москву в этом здании осталась ПетроЧК.

В Первопрестольной ВЧК обрела свой главный адрес не сразу. Страховое общество «Россия» было в империи одним из наиболее крупных и надежных. Центральное его правление находилось в Петербурге, но своими делами оно активно занималось в Первопрестольной. В 1894 году общество приобрело в Москве участок площадью 1110 квадратных саженей со всеми постройками. Числился он сразу под тремя адресами: номер 3 по Большой Лубянке, номер 1 по Малой Лубянке и номер 2 по Лубянской площади. Все постройки за ненадобностью были снесены, а на образовавшемся месте и прикупленном по случаю еще одном участке по другую сторону Малой Лубянки, выходящей к Лубянскому проезду, в 1897–1902 годах были возведены два доходных здания: одно громадное, пятиэтажное, едва ли не самое большое в тогдашней Москве, в редком стиле североевропейского Возрождения, и второе – гораздо меньше, в четыре и частично в пять этажей.

В большом доме – за ним и сохранился номер 2 по Лубянской площади – расположилось (за немалую арендную плату) множество торговых заведений: книжный магазин Наумова, магазины швейных машин Попова и готового платья Хауштингенца «Универсальный базар», гнутой мебели Лютера, Британского библейского общества, хрусталя и стекла знаменитых Мальцевских заводов и даже пивная лавка Васильевой и Воронина. На втором этаже помещения арендовали конторы пароходства «Самолет», Восточного общества торговых складов и прочие. Здесь же было и московское представительство самого страхового общества «Россия». Третий, четвертый и пятый этажи занимали роскошные квартиры. Их насчитывалось всего два десятка. В каждой было от четырех до девяти комнат. Снимать такие апартаменты, разумеется, было по карману лишь очень состоятельным людям. В меньшем доме также располагались конторы, в том числе знаменитого пароходства «Кавказ и Меркурий», и несколько квартир.

Первоначально по переезде вместе с правительством в Москву ВЧК заняла довольно скромное здание на Большой Лубянке (угол с Варсонофьевским переулком) в три этажа, в котором ранее размещались страховая компания «Якорь» и известная лондонская фирма «Ллойд». В соседнем доме устроили клуб ВЧК, позднее здесь же часть помещений заняло правление первого в нашей стране добровольного спортивного общества «Динамо».

Однако Особый отдел с самого начала поселился в доме номер 2 по Лубянской площади. Остальные отделы и службы перебирались сюда постепенно, по мере освобождения здания от контор и переселения старых жильцов.

В конце 20-х – начале 30-х годов здание дома номер два было расширено и реконструировано. К его северной части пристроили новое здание.

Знаменитую Внутреннюю тюрьму в доме номер два устроили в 1920 году. Разместилась она на двух этажах внутренней части здания. При реконструкции тюрьму надстроили еще на четыре этажа. Размеры камер Внутренней тюрьмы составляли в основном семь шагов в длину и три в ширину. В них стояли четыре железные кровати. Устроить прогулочные дворики во дворе-колодце как старой, так и новой тюрьмы было невозможно: для них не было места. Потому шесть прогулочных двориков с высокими стенами располагались на крыше нового здания.

Публицист, депутат Государственной Думы России Александр Хинштейн, назвал свою книгу «Подземелья Лубянки»¹⁷.

В воображении читателя сразу возникают мрачные подвалы под землей, зданием Лубянки. Автор говорит: «Лубянка давно уже стала именем нарицательным. Чего там греха таить – многие продолжают с опаской коситься на желтое здание в самом центре Москвы». Чего тут больше? Очернение отечественной спецслужбы как дань моде сегодняшнего дня или же хлесткое название книги – привлечение читателей?

Что касается здания в центре Москвы, то оно одно из красивейших зданий столицы!

Никаких «расстрельных» подвалов и собственного крематория (как настаивает многолетняя легенда) во Внутренней тюрьме не имелось. Строго говоря, Внутренняя тюрьма была не тюрьмой, а следственным изолятором. Арестованных содержали здесь недолго, лишь для допросов во время следствия и только по серьезным делам¹⁸. Затем их переправляли в другие тюрьмы, главным образом в Лефортовскую и Бутырскую, много позднее – в секретную Сухановскую.

1920 год... Советско-польская война. На польский фронт потянулись эшелоны с живой силой, артиллерией, боеприпасами. В политорганы обоих фронтов было направлено около десяти тысяч партийцев, в том числе и занимавших крупные посты. Так, членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта был назначен Сталин, начальником тыла того же фронта – Дзержинский (с сохранением за ним должности председателя ВЧК).

С нашей стороны военные действия шли успешно. Полки Красной армии не только освободили захваченную поляками территорию Украины и Белоруссии, но едва не взяли Варшаву. А потом произошло то, чему польские историки дали громкое название «Чудо на Висле», и по-своему они были правы.

Для борьбы со шпионами и диверсантами в действующей армии в помощь армейским чекистам были направлены практически все руководящие работники ВЧК, в первую очередь Особого отдела. Судя по сохранившимся в архивах ФСБ документам, Артур Артузов выезжал на польский фронт по меньшей мере трижды.

Мандат

Предъявитель сего, особоуполномоченный Особого отдела ВЧК тов. Артузов Артур Христианович, командирован на Западный фронт для производства следствия по дела польского шпионажа.

Тов. Артузов имеет право сношения по прямому проводу шифром и право пользования всеми средствами передвижения, не исключая и воинских поездов, экстренных и резервных паровозов.

Все советские учреждения, особые отделы и ЧК обязаны оказывать тов. Артузову самое широкое содействие при исполнении возложенных на него служебных обязанностей.

Победоносно начавшаяся война обернулась тяжелым поражением. Вернуть утраченные территории Западной Украины и Западной Белоруссии Советскому Союзу удалось лишь через девятнадцать лет.

¹⁷ Хинштейн А. Подземелья Лубянки. – Москва: Олма-Пресс, 2005.

¹⁸ Ныне в перестроенной до неузнаваемости бывшей тюрьме расположены две столовые и кабинеты сотрудников. Сохранены в качестве своеобразных музейных экспонатов лишь шесть камер. Последним заключенным Внутренней тюрьмы КГБ СССР был американский летчик Фрэнсис Гэри Пауэре.

Сегодня некоторые авторы и «пропагандисты», заиклившись на событиях в Катини под Смоленском, где были расстреляны 5500 поляков (с испугу, что ли, признали 10 000), стыдливо умалчивают о том, что поляки загубили жизни 95 000 наших красноармейцев. По польским данным 60 000 человек. Вот о чем надо не говорить, а *кричать!*

История повторяется. В наших средствах массовой информации, в книгах, на телеэкранах рассказывается о трагедии белорусской деревни Хатынь. Там немцы расстреляли, сожгли мирных жителей, стариков, детей. Это делали каратели – украинцы.

Чтобы не наводить тень на плетень, кто был палачами, замалчивалась правда. Не выходцы из братской Украины – палачи, а немцы... Однако рано и поздно истина восторжествует.

18 июля 1921 года за успешную ликвидацию ряда контрреволюционных организаций, а также сети польского шпионажа в период Советско-польской войны президиум ВЦИК награждал Артура Христиановича Артузова (Фраучи) орденом Красного Знамени.

Еще в начале 1920 года в поле зрения чекистов попал некий Игнатий то ли Добужский, то ли Добржинский, как позже выяснилось – Добржинский. Стало известно, что в Москве действует польский резидент, скрывающийся под псевдонимом Сверщ (Сверчок). Предполагалось, что неведомый Добржинский и есть Сверщ, однако пока это оставалось лишь версией.

Добржинский был арестован. На первых допросах Добржинский молчал. Ничего не отрицал, не пытался выкрутиться, не лгал, ни о чем не просил. Просто молчал, словно воды в рот набрал.

Артузов был почти в отчаянии, но вовремя взял себя в руки. Постарался по другим каналам узнать что-либо о задержанном. Выяснилось, что Добржинский, поляк по национальности, последние несколько лет до революции жил в Москве. Успел закончить три курса историко-философского факультета Московского университета.

И вот однажды, далеко не в первый день их «знакомства», Добржинский сознался, что ему многое и давно в политике Пилсудского не нравится, по его мнению, диктатор Польши отказался от своего социалистического прошлого и в возглавляемом им ППС ничего социалистического не осталось. В последнее время ему, Добржинскому, все больше импонирует политика советского правительства, и только долг заставляет его продолжать борьбу. Вернее, заставлял... Артузову даже показалось, что Добржинский в глубине души рад, что арест снял с него это тяжкое бремя. Хотя, разумеется, как умный человек, понимал, какое наказание может ему вынести трибунал за шпионаж в военное время. Высказал все это Добржинский горячо и, безусловно, искренне. Он официально подтвердил, что является главным резидентом польской разведки в России, но наотрез отказался назвать находящихся на свободе своих разведчиков.

И вот Артузову пришла в голову невероятная, почти сумасшедшая идея: не только убедить Добржинского в бессмысленности его деятельности как польского разведчика, но и привлечь на свою сторону.

Артузову удалось это сделать, но впоследствии это вышло ему боком.

Добржинский дал согласие, высказанное вполне официально, сотрудничать с ВЧК, но по-прежнему не желал назвать своих сообщников. Тогда Артузов, предварительно согласовав вопрос с Дзержинским, пошел на неслыханный шаг: он пообещал Добржинскому, что все названные им разведчики – как уже находящиеся под арестом, так и пока не выявленные – не будут привлекаться к ответственности, более того – будут возвращены на Родину еще до прекращения военных действий. Но только те, кто, как сам главный резидент, работал из идейных побуждений.

Согласие было получено. Добржинский после некоторого колебания сообщил, что, по его предположениям, подчиненный ему Петроградский резидент Виктор Стацкевич (именно он поддерживал связь с польским генштабом через местную радиостанцию) тоже был бы рад по идейным соображениям прекратить свою деятельность против советской власти.

Артузов и Добржинский выехали в Петроград и встретились со Стацкевичем. Добржинский оказался прав: Стацкевич согласился сотрудничать с ВЧК на тех же условиях своеобразной амнистии его людям.

Кияковский (Стацкевич) Виктор Stanisлавович (1889–1932). Сотрудник органов госбезопасности. До 1920 года участник «ПОВ», сотрудник 2-го отдела польского Главного штаба, затем перешел на сторону советской власти. В 1922–1930 годах – начальник отделения КРО ГПУ-ОГПУ СССР, затем начальник СОУ ПП ОГПУ по Нижневолжскому краю. С 1932 года на работе в ИНО ОГПУ: главный инструктор ОГПУ в ГВО Монголии. Погиб в бою с вооруженными повстанцами.

Выехав на Западный фронт с секретным мандатом, Артузов включил в свою оперативную группу и Добржинского (под фамилией Сосновский), и Стацкевича (под фамилией Кияковский).

За период месячной командировки Артузова на Западный фронт, под его руководством и при активном участии Сосновского и Кияковского, армейские особы ликвидировали основные ячейки ПОВ, работавшие на польскую разведку, практически свели на нет диверсии и теракты в тылу Красной армии.

После успешной ликвидации опасных террористов Артузов окончательно убедился в надежности Сосновского и даже ходатайствовал перед Дзержинским о награждении его орденом Красного Знамени. Троцкий издал соответствующий приказ Реввоенсовета.

Однако решение Артузова привлечь Сосновского к выполнению важной и секретной работы было принято далеко не всеми его коллегами. Резко протестовал, например, начальник Особого отдела Западного фронта, известный чекист Филипп Медведь. Такую же позицию занял близкий друг Артузова, впоследствии его многолетний помощник Роман Пилляр (иногда его фамилию пишут с одной «л»). Роман Александрович был человеком во многих отношениях необычным, он принадлежал к известному прибалтийскому роду баронов Пиллар фон Пильхау и приходился двоюродным племянником... Дзержинскому.

Что же касается Сосновского и Кияковского, то оба они были официально зачислены в штат ВЧК.

В мае 1922 года из Особого отдела был выделен новый отдел – контрразведывательный (КРО ВЧК). Из Особого и некоторых других отделов и служб в него направили самых опытных, квалифицированных и образованных (по меркам того времени) чекистов. Начальником КРО был назначен человек, по праву считавшийся «звездой» ВЧК, – Артур Христианович Артузов, к тому времени уже не особоуполномоченный, а начальник оперативного отдела Управления особого отдела ВЧК. Крокистами (как называли сотрудников КРО чекисты из других служб) стали и Сосновский, и Кияковский...

Забегая вперед, скажем, что Артузов на 7–8 лет полностью блокировал всю работу весьма тогда деятельной и опасной польской разведки.

По предложению Артузова и после многих совещаний и прикидок с 1 апреля 1933 года был утвержден новый штат центрального аппарата Иностранного отдела ОГПУ. Начальником ИНО остался Артур Христианович Артузов, его заместителем – Абрам Аронович Слуцкий, помощником – Сергей Васильевич Пузицкий. (Напомним, что в те времена помощник какого-либо начальника был не техническим работником, но фактически также заместителем, только без права официального замещения руководителя в случае его отсутствия.)

Вместо ранее имевшихся шести секторов было образовано восемь отделений.

1-е отделение занималось нелегалами, то есть кадровыми разведчиками, действующими за рубежом в подполье, под чужими фамилиями, с паспортами различных государств. Начальником был утвержден опытный разведчик, работавший в подобных условиях во многих странах, Леонид Александрович Наумов (он же Наум Исаакович Эйтингон).

2-е отделение ведало въездом и выездом физических лиц в СССР и за границу, учетом иностранцев, находившихся на советской территории, работой с консульствами. Начальником отделения был Яков Михайлович Бодеско.

3-е отделение занималось политической разведкой в капиталистических странах. Начальником стал Отто Оттович Штейнбрюк, человек необычный даже для тех романтических времен, бурной биографии. Уроженец Австро-Венгрии, он в чине капитана попал в русский плен. В 1918 году вступил в РКП(б). Был одним из организаторов армии Венгерской Советской Республики. После ее падения два года отсидел в венгерской тюрьме, потом еще два года вел подпольную работу в Германии. Был вновь арестован и выслан в РСФСР. С 1921 года Штейнбрюк работает в Особом, а затем Иностранном отделе ВЧК. В последующие годы – советник военного аппарата Компартии Германии и резидент ИНО в Швеции. Почти пять лет Штейнбрюк возглавлял германское отделение КРО, затем работал начальником КРО ПП ОГПУ по приграничной Западной области в Смоленске. Лучшего знатока Западной Европы, в частности Германии, найти было трудно.

В 20-х – начале 30-х годов в нашу разведку, и политическую, и военную, пришло много иностранцев – или из числа бывших военнопленных, как Отто Штейнбрюк, или переданных Исполкомом Коминтерна (ИККИ). В Коминтерне этим занимался Отдел международных связей (ОМС), которым руководил Осип Пятницкий и Александр Абрамов-Миров. Особенно много коминтерновцев получил Разведупр РККА. В их числе можно назвать таких знаменитых разведчиков, как Рихард Зорге (Рамзай), Леопольд Треппер (Отто, Большой Шеф), Шандор Радо (Дора), Урсула Кучински (Соня, Рут Вернер).

И Дзержинский, и Менжинский, и Ягода, и тогдашние руководители Разведупра РККА не боялись бывших иностранцев зачислять в штат, назначать на ответственные и руководящие должности, присваивать высокие звания вплоть до генерала.

В начале 1933 года Артузов командировал Дейча в Париж в качестве помощника, а затем и заместителя резидента. За год Дейч (оперативные псевдонимы – Стефан и Отто) выполнил несколько заданий в Бельгии, Голландии и Германии. В Германии Дейч не по своей вине попал под «колпак» гестапо, но сумел покинуть страну благодаря вовремя полученному предупреждению Брайтенбаха.

Оставаться в континентальной Европе Дейчу было опасно, и Артузов принял решение перевести его в Лондон. Для прикрытия Стефан поступил в Лондонский университет. Здесь в июне 1934 года он вместе с исполняющим обязанности резидента Игнатием Рейфом завершил вербовку выпускника Кембриджа Гордона Кима Филби (оперативный псевдоним Зенхен – по-немецки Сынок), начатую еще в Вене Теодором Малли. Так было положено начало самой знаменитой советской агентурной группы, известной под названием «Кембриджская пятерка», в которую, кроме Филби, входили Дональд Маклин, Гай Берджес, Джордж Керн-росс и Энтони Блант. Все они впоследствии занимали высокие посты в правительственных учреждениях Великобритании.

Ким Филби даже входил в руководящее ядро британской разведки.

Еще один «великий нелегал» ИНО – уже упомянутый венгр Теодор Малли (оперативный псевдоним Манн). Он родился в семье чиновника министерства финансов в 1894 году. Окончил гимназию, вступил в один из католических монарших орденов, прошел обучение на философском и богословском факультетах духовного учебного заведения и был посвящен в сан диакона. И почти сразу неожиданно для всех, возможно и для себя самого, расстригся и поступил в армию Австро-Венгрии в качестве вольноопределяющегося. В 1915 году Малли окончил военное училище, воевал в чине лейтенанта на русском фронте и в июле 1916 года в Карпатах попал в плен. Скитаясь по лагерям военнопленных, он окончательно утратил веру в бога, проникся идеологией русских большевиков. В 1918 году Малли вступил в Красную армию, воевал против белочехов, колчаковцев, врангелевцев и, наконец, махновцев. В 1921

году Малли был зачислен на службу в Крымскую ЧК и работал там пять лет. В 1926 году он был вызван в Москву и стал работать в КРО вначале оперуполномоченным, затем помощником начальника, позднее оперуполномоченным в Особом отделе, так что Артузов имел возможность хорошо узнать этого почти двухметрового мадьяра. Когда Артузов принял его в ИНО на должность помощника начальника 3-го отделения, Малли имел уже несколько наград, в том числе знак Почетного чекиста.

В июне 1934 года Артузов командирует Манна за границу в качестве нелегального резидента. Малли действует во Франции и Германии. В Вене он знакомится с молодым англичанином по имени Гарольд (Ким) Филби, радикально настроенным, искренне симпатизирующим венским революционно настроенным рабочим, социалистическим идеям и Советскому Союзу. Малли сообщает своим коллегам в Англию, что с Филби есть смысл поработать на предмет склонения его к сотрудничеству.

Когда Филби вернулся в Лондон, на него и вышли упомянутые Рейф и Дейч. Несколько позже по поддельным австрийским паспортам Малли с женой перебираются на Британские острова. Здесь они становятся Полом и Лидией Харт. В Англии Малли довершает формирование «Кембриджской пятерки», руководит ее деятельностью и успешно вербует еще несколько ценных агентов. На него же, как на резидента-нелегала, возложено кураторство над работой Дмитрия Быстролетова (Андрей), о котором речь пойдет далее. Позднее, когда Малли уже не будет в живых, именно от английских агентов в Москву поступит первая информация о работах в области ядерных технологий по созданию атомной бомбы. В июле 1937 года Малли был отозван в Москву и через два месяца расстрелян.

Одним из самых ярких нелегалов той поры был Дмитрий Александрович Быстролетов, незаконнорожденный отпрыск одной из ветвей графского дома, давшего миру писателей Льва Николаевича Толстого, Алексея Константиновича Толстого и Алексея Николаевича Толстого.

В 1938 году Быстролетов был отозван на родину и арестован. Его подвергли чудовищным пыткам, три года продержали в секретной тюрьме НКВД в Суханове в одиночной камере. Всего он провел в тюрьмах и лагерях восемнадцать лет. После освобождения работал в медицинском реферативном журнале (помогло незаконченное медицинское образование), он один заменял двадцать переводчиков. Вступил в Союз художников СССР. Скончался в марте 1975 года.

Начальниками отделений у Артузова и в КРО, и в ИНО были профессионалы высокого класса. К примеру, отделение разведки в среде белой эмиграции возглавлял Андрей Павлович Федоров. Можно смело утверждать, что никто в разведке лучше его не знал эту «паству». К тому же он сам долгое время вращался в этой среде в ходе операции «Синдикат-2» и некоторых других.

То же можно сказать и о начальнике отделения нелегалов. В истории советской разведки не было человека столь опытного, как Исаак Наумович Эйтингон (он же Наумов Леонид Александрович, генерал Котов). Родился он в Могилеве, детство провел в крохотном городке Шклове. Отец конторщик бумагоделательной фабрики умер, когда мальчику было тринадцать лет.

Эйтингон работал во многих странах. Он отличился в Гражданской войне в Испании (генерал Котов), был главным организатором ликвидации Троцкого в Мексике в августе 1940 года. Во время войны был заместителем начальника 4-го управления (разведка и диверсии в тылу врага) генерал-лейтенанта П. А. Судоплатова. Только два разведчика были тогда награждены полководческим орденом Суворова: Судоплатов и генерал-майор Эйтингон. В 1951 году в ходе расследования «еврейского заговора в МГБ» Наум Исаакович был арестован, подвергся пыткам, но виновным себя не признал. Освобожден после смерти Сталина, возвращен на службу, но через полгода вновь арестован, осужден и приговорен к двенадцати годам как «пособник» Берии. После освобождения работал переводчиком в одном из московских издательств. Умер в 1981 году. Посмертно реабилитирован.

Работая начальником ИНО ОГПУ— НКВД, Артузов руководил блистательной плеядой разведчиков, россиян по происхождению, зачастую участвовавших в Гражданской войне на стороне красных изначально, но были и молодые, пришедшие в ОГПУ в конце 20-х – начале 30-х годов, например, Александр Коротков и Гайк Овакимян.

Из ветеранов службы в первую очередь следует назвать имена Василия Михайловича и Елизаветы Юльевна Зарубиных, возможно, самой заслуженной супружеской пары в истории советской разведки как по продолжительности работы за рубежом, так и по ее эффективности.

Много знаменитых имен можно привести из тех, кто работал с Артузовым. Был у него помощник – Валерий Горожанин (Кудельский). Экстерном он сдал все положенные экзамены за полный гимназический курс, получил аттестат зрелости и едва не окончил в Одессе юридический факультет университета: его отчислили с четвертого курса за активную революционную деятельность. Тогда Горожанин был эсером. Далее последовали тюрьма, ссылка и призыв в армию. В 1919 году Горожанин вступил в компартию, а годом раньше начал работать в ЧК – вначале в Одессе, затем в других городах Украины. Горожанин был прекрасным журналистом и публицистом, потому дружил со многими профессиональными литераторами. С Владимиром Маяковским он однажды отдыхал в Крыму – известна редкая фотография, запечатлевшая их в Ялте.

К девятилетнему юбилею ВЧК – ОГПУ Маяковский написал стихотворение «Солдаты Дзержинского» и посвятил его Валерию Михайловичу Горожанину. В свою очередь, на торжественном заседании в клубе ГПУ в Харькове – тогдашней столице Украины – Горожанин от имени собравшихся в зале чекистов вручил поэту именной пистолет. Тот самый, из которого и был произведен роковой выстрел...

Старший майор госбезопасности, кавалер ордена Красного Знамени и двух знаков «Почетный работник ВЧК – ГПУ», В. М. Горожанин был расстрелян 29 августа 1938 года. К моменту ареста он занимал должность заместителя начальника Особого бюро НКВД СССР, которое занималось обобщением опыта разведывательной и контрразведывательной работы. Посмертно реабилитирован.

Знаменит был и Яков Исаакович Серебрянский (Бергман). Он возглавляет особую группу, своего рода разведку в разведке, подчинявшуюся непосредственно руководству ОГПУ – НКВД и выполнявшую совершенно секретные «штучные» задания за рубежом. Группа немногочисленна, ее постоянные сотрудники глубоко законспирированы. В узких кругах ответственных работников Центра это подразделение называли «группой Яши».

Артузову, естественно, приходилось поддерживать служебные отношения с Серебрянским, время от времени по указанию руководства содействовать ему, в частности предоставлять информацию.

В 1938 году старший майор госбезопасности Серебрянский был арестован и в июле 1941 года приговорен к расстрелу как шпион. Жена еще раньше была приговорена к десяти годам лишения свободы за недоносительство. В 1941 году по ходатайству начальника диверсионно-разведывательного отдела НКВД Павла Судоплатова он был амнистирован и назначен для продолжения службы в этот отдел, реорганизованный в знаменитое 4-е управление. Серебрянский занимался подготовкой и заброской агентуры на оккупированную немцами территорию и организацией там диверсионной работы. Его наградили вторым орденом Красного Знамени и вторым орденом Ленина, присвоили звание полковника, хотя обычно старшие майоры госбезопасности становились после переаттестации 1943 года генерал-майорами.

В 1946 году Серебрянский вынужденно ушел в отставку, однако после смерти Сталина его вернули в НКВД на весьма серьезную должность, но в октябре того же 1953 года вновь арестовали как... пособника Берии! В 1956 году Серебрянский скончался в тюрьме во время допроса, проводимого работником прокуратуры генерал-майором Царегородским.

Положение Артузова в системе спецслужб казалось прочным, как никогда. Тому было и некое косвенное подтверждение: учрежденный в канун пятидесятилетия органов ВЧК – ОГПУ новый знак «Почетный чекист» с накладной цифрой «XV» ему был вручен под номером 6.

Официально эта ведомственная высокая награда всегда носила название знак «Почетного сотрудника», однако разведчики и контрразведчики и по сей день называют ее знаком «Почетного чекиста».

Глава 7. Дело поэта Николая Гумилева

Дело по обвинению Николая Степановича Гумилева в участии в контрреволюционном заговоре под предводительством профессора В. Таганцева изложено на 107 листах. В наши дни многие не знают, кто такой Гумилев. Это был талантливый поэт, муж не менее талантливой поэтессы Анны Ахматовой. Итак, дело:

ВЧК дело № 214224 «ПБО» (Петроградская боевая организация), том № 177 (Гумилев Н. С.)

Лист № 1 отсутствует.

Лист № 2

Справка

В этом томе первый лист – фотокарточка, которая из дела изъята и находится в альбоме. 25.11. 1935 г.

Лист № 3 – анкета, заполненная рукой Гумилева.

Лист № 4 – *засада* (рукой, чернилами) *Произвести обыск и арест*

Гумилев Николай Степанович, проживающ. по Преображенской ул., д. 5/7, кв. 2, по ДЕЛУ № 2534 3 авг. 1921

Лист № 5 – *Петроградская Чрезвычайная комиссия, секретно-оперативный отдел – талон ордера 1071* (незаполненный бланк с подписью и печатью!)

Лист № 6 – Протокол обыска и ареста Гумилева за подписью сотрудника для поручений Мотовилова и председателя домового комитета И. Гусева. Другие необходимые подписи отсутствуют. Протокол удостоверяет задержание «*Гражданина Гумилева Николая Степановича*», изъятие переписки – «*другого ничего не обнаружено*» и «*оставление засады до выяснения*».

Лист № 7

Петроградская Чрезвычайная комиссия Секретно Оперативный отдел Талон ордера 1096 (незаполненный бланк с подписью и печатью)

Лист № 8 *Ордер на обыск от 5.8.21* (чистый бланк)

Листы № 9,10 – справки из адресного стола

Листы № 11,12 – ордера на обыск «*у гр. Гумилева Н. С.*»

Лист № 13

6413 Талон квитанции к делу

Денег советских 16 000 р., старинных монет, гривенник (одно слово прошито; неразборчиво). *1 золо. 48у. (или д.)*

Далее следуют квитанции, записки оправдомов или подобные «доклады»:

Лист № 20

Доклад¹⁹

В Петроградскую Губернскую ЧК

Ввиду того что д. № 11 по Пантелеймоновской ул. содержит 142 квартиры, из коих несколько не занятых и домовые книги ведутся крайне беспорядочно, точно установки в такой краткий срок, сделать нет никакой физической возможности, тем более, что заведывающий дом. и домовою книгой за свое кратко-временное пребывание в этой должности еще не успел ориентироваться.

2.8.21.

¹⁹ Текст приводится с сохранением орфографии, пунктуации и грамматики оригинала.

Коркий (или Корский – неразборчиво)

Лист № 31 и др. – множество записок разных литераторов, которые извещают поэта о встрече, какие-то клочки бумаги с пометками Гумилева.

Записка жены Анны Ахматовой на смятой папиросной бумаге:

Лист № 48

Дорогой Котик, конфет, ветчины не купила, ешь колбасу, не сердись. Кушай больше, в кухне хлеб, каша, пей все молоко, ешь булки. Ты не ешь, и все приходится бросать, это ужасно. Целую. Твоя Аня.

На следующих страницах дела приведен список названий стихотворений из вышедшего сборника стихов Н. Гумилева.

Лист № 61

Расписка.

Мною взято у Н. С. Гумилева пятьдесят тысяч рублей.

Мариэтта Шагинян. 23.VI 1.21.

Чего только нет в «деле» Гумилева! И приглашение участвовать в поэтическом вечере к нему подшито, и членский билет Дома искусства на 1920 год, и интимные записки со стершимся карандашным текстом...

Только на 68–69 листах дела по существу обосновывается виновность Н. Гумилева. Это протокол показания профессора В. Таганцева, возглавлявшего «заговор» против советской власти.

Протокол показания гр. Таганцева

Поэт Гумилев после рассказа Германа обращался к нему в конце ноября 1920 года. Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой он сможет распоряжаться, и в случае выступления согласна выйти на улицу, но желал бы иметь в распоряжении для технических надобностей некоторую свободную личность. Таковой у нас тогда не было. Мы решили тогда предварительно проверить надежность Гумилева, командировав к нему Шведова для установления связей.

В течение трех месяцев, однако, это не было сделано. Только во время Кронштадта Шведов выполнил поручение: разыскал на Преображенской ул. поэта Гумилева, адрес я узнал для него во "Всемирной литературе", где служит Гумилев. Шведов предложил ему помочь нам, если представится надобность в составлении прокламаций. Гумилев согласился, сказав, что оставляет за собой право отказываться от тем, не отвечающих его далеко не правым взглядам. Гумилев был близок к Совет, ориентации. Шведов мог успокоить, что мы не монархисты, а держимся за власть Сов. Не знаю, насколько мог поверить этому утверждению. На расходы Гумилеву было выделено 200 000 советских рублей и лента для пишущей машинки. Про группу свою Гумилев дал уклончивый ответ, сказав, что для организации ему потребно время. Через несколько дней пал Кронштадт. Стороной я услышал, что Гумилев весьма отходит далеко от контрреволюционных взглядов. Я к нему больше не обращался, как и Шведов и Герман, и поэтических прокламаций нам не пришлось ожидать.

Курьер финской контрразведки Ю. П. Герман, морской офицер, убит пограничниками 30 мая 1921 года при попытке перехода советско-финской границы. В. Г. Шведов-Вячеславский,

подполковник, агент иностранной разведки, 3 августа 1921 года во время ареста убил чекиста, но сам был ранен. По постановлению ВЧК 29 августа 1921 года расстрелян.

С этими лицами встречался Н. Гумилев. Согласился помочь заговорщикам в составлении прокламаций, получил на расходы 200 000 советских рублей и ленту для пишущей машинки.

Если верить Таганцеву (а почему бы и нет?), то Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой в случае необходимости «он сможет распоряжаться». Что ж, это действительно так. Гумилев был признанным вождем акмеизма, возглавлял знаменитый «Цех поэтов» и имел огромное влияние на его участников. Пожалуй, ни у одного русского поэта в то время не было столько учеников и подражателей. Наверно, Гумилеву (кстати, по нашим меркам «молодому поэту» – тридцатипятилетнему) было приятно ощущать себя властителем дум Петроградской литературной молодежи. Но вот заявление, если оно имело место, что эта «группа интеллигентов» «в случае выступления согласно выйти на улицу», выглядит несколько самонадеянным. Этой самонадеянности, зная Гумилева по стихам и по воспоминаниям его современников, удивляться не приходится: некоторая юношеская бравада, очевидно, была присуща ему и как нельзя более соответствовала образу лирического героя гумилевских стихов.

Николай Гумилев ни одной прокламации не составил, а о «своей» группе говорил уклончиво. Какую группу, «готовую выйти на улицу», имел в виду Гумилев (и, вполне возможно, подозревали чекисты!), когда составлял для себя какой-то список, ставший впоследствии листом № 73.

Лист № 73 (рука Гумилева)

Городецкий, Потемкин, Пяст, Аненский, Сологуб, Сергей Соловьев, Бруни, Верховский, Блок, Клюев, Бальмонт, Вячеслав Иванов, Северянин, Хлебников, Лифшиц, Цветаева, Нарбут, Балтрушайтис, Адамович.

Что касается показаний Таганцева, то главной «уликой» против Гумилева, содержащейся в них, оказываются 200 000 рублей и лента пишущей машинки, переданные Шведовым.

Известны свидетельства одного из последних оставшихся в живых участников тех давних событий – поэтессы и мемуаристки Ирины Одоевцевой, покинувшей Родину именно тогда, в двадцать первом году, а затем вернувшейся. В ее воспоминаниях о Гумилеве есть противоречия. Но ведь это литературные произведения, а не свидетельские показания. Между тем в одном из своих интервью она утверждает следующее:

«Когда говорят, что он (Гумилев) отказался от участия в заговоре, никаких денег не брал, я ничего не могу возразить. Но и сейчас повторяю... деньги у него были, лежали в шкафу... Вот никакого револьвера я не видела, это точно, а деньги... тогда они были обесценены, и это было много пачек – видела у Гумилева своими глазами».

Подобные высказывания Одоевцевой служили в глазах многих косвенным доказательством виновности поэта, за что она не раз подвергалась нападкам со стороны горячих поклонников Гумилева, желавших его безоговорочной реабилитации. Но, как мы видим сейчас, нападки эти вряд ли были заслуженными. Для того чтобы истина в конце концов восторжествовала, ей не надо никаких подачек в виде пресловутой лжи во спасение, следует только неукоснительно этой истине держаться, какой бы ни была политическая ситуация, что бы ни казалось на чей-то взгляд сиюминутно выгодным.

Кстати, преувеличивая контрреволюционные «заслуги» Гумилева в своих книжках, издававшихся на западе, Одоевцева, возможно, преследовала вполне благородную цель: привлечь к его имени интерес западной публики и издателей. Не такая, какой от нее ждали любители литературы в СССР, но тоже «ложь во спасение»!

Ну а по сути правда и то, что свидетельствует Одоевцева, и то, что утверждают почитатели Гумилева: да, деньги – много ничего не стоивших пачек – у него были.

Ознакомимся с показаниями самого поэта.

Листы № 83, 84

Протокол допроса, произведенного в Петроградской Губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией по делу за № 2534 от 9.08.1921.

Я, нижеподписавшийся, допрошенный в качестве обвиняемого, показываю:

1. фамилия – Гумилев

2. имя отчество – Николай Степанович

3. возраст – 35

4. происхождение из дворян

5. место жительства: Петроград, угол Невского и Мойки, в Доме искусств.

6. род занятий – писатель

7. семейное положение – женат

8. имущественное положение – никакого

9. партийность – беспартийный

10. политические убеждения – аполитичен

11. образование общее специальное, высшее – профессор, филолог

12. чем занимался, где служил

а) до Войны 1914 года литературой, здесь и за границей

б) до Февральской революции 1917 года тоже

в) до Октябрьской революции 1917 года на военной службе в качестве вольноопределяющегося, а потом – прапорщик

г) С Октябрьской революции до ареста в 1918 году приехал из Лондона в Петроград и до ареста находился членом коллегии экспертов издательства «Всемирная литература»

13. Сведения о прежней судимости – никаких

Лист № 85

Показания по существу дела:

Месяца три тому назад ко мне утром пришел молодой человек высокого роста и бритый, сообщавший, что привез мне поклон из Москвы. Я пригласил его войти, и мы беседовали минут двадцать на городские темы. В конце беседы он обещал мне показать имеющиеся в распоряжении русские заграничные издания. Через несколько дней он действительно принес мне несколько номеров каких-то газет. И оставил у меня, несмотря на заявление, что я в них не нуждаюсь. Прочтя эти номера и не найдя в них ничего для меня интересного, я их сжег. Приблизительно через неделю он пришел опять и стал спрашивать меня, не знаю ли я кого-нибудь, желающего работать для контрреволюции. Я объяснил, что никого такого не знаю, тогда он указал на незначительность работы: добывание разных сведений и настроений, раздачу листовок – и сообщил, что эта работа может оплачиваться. Тогда я отказался продолжать разговор с ним на эту тему, и он ушел. Фамилию свою он назвал мне, представляясь. Я ее забыл, но она была не Герман, и не Шведов.

Н. Гумилев

Лист № 86

Протокол допроса

Гр. Гумилева Николая Степановича

Допрошенный следователем Яковсоном, я показываю следующее: летом прошлого года я был знаком с поэтом Борисом Вериным и беседовал с ним на политические темы, горько

сетью на подавление частной инициативы в Советской России. Осенью он уехал в Финляндию, через месяц я получил в мое отсутствие от него записку, сообщающую, что он доехал благополучно и хорошо устроился. Затем зимой, перед Рождеством, ко мне пришла немолодая дама, которая мне передала неподписанную записку, содержащую ряд вопросов, связанных, очевидно, с заграничным шпионажем, например сведения о готовящемся походе на Индию. Я ответил ей, что никаких таких сведений я давать не хочу, и она ушла.

Затем в начале Кронштадтского восстания ко мне пришел Вячеславский с предложением доставлять для него сведения и принять участие в восстании, оно переносится в Петроград. От дачи сведений я отказался, а на выступление согласился, причем указал, что мне, по всей вероятности, удастся в момент выступления собрать и повести за собой кучку прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением. Я выразил также согласие на попытку написания контрреволюционных стихов. Дней через пять он пришел ко мне опять, вел те же разговоры и предложил гектографировальную ленту и деньги на расходы, связанные с выступлением. Я не взял ни того, ни другого, указав, что не знаю, удастся ли мне использовать ленту. Через несколько дней он зашел опять, и я определенно ответил, что ленту я не беру, не будучи в состоянии использовать, а деньги 200 000 взял на всякий случай и держал их в столе, ожидая или событий, то есть восстания в городе, или прихода Вячеславского, чтобы вернуть их, потому что после падения Кронштадта я резко изменил мое отношение к Советской власти. С тех пор ни Вячеславский, никто другой с подобными разговорами ко мне не приходили, и я предал все дело забвению.

В добавление сообщаю, что я действительно сказал Вячеславскому, что могу собрать активную группу из моих товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием с моей стороны, потому что я с ними встречался лишь случайно и исполнить мое обещание мне было бы крайне затруднительно.

Гумилев

Допросил Яковсон 18.8.1921.

Лист № 87 (машинопись)

Продолжительное показание гр. Гумилева Николая Степановича 20.08.1921.

Допрошенный следователем Яковсоном, я показываю: сим подтверждаю, что Вячеславский был у меня один, и я, говоря с ним о группе лиц, могущих принять участие в восстании, имел в виду не кого-нибудь определенного, а просто человек десять встречаемых знакомых из числа бывших офицеров, способных, в свою очередь, организовать и повести за собой добровольцев, которые, по моему мнению, не замедлили бы примкнуть к уже составившейся кучке. Я, может быть, не вполне ясно выразился относительно такового характера этой группы, но сделал это сознательно, не желая быть простым исполнителем директив неизвестных мне людей и сохранить мою независимость. Однако я указывал Вячеславскому, что, по моему мнению, это единственный путь, по которому действительно совершается переворот, и что я против подготовительной работы, считая ее бесполезной и опасной. Фамилии лиц я назвать не могу, потому что не имел в виду никого в отдельности, я просто думал встретить в нужный момент подходящих по убеждению мужественных и решительных людей. Относительно предложения Вячеславского я ни с кем не советовался, но возможно, что говорил о нем в туманной форме.

Н. Гумилев

Выделим несколько моментов из этого документа. Начнем с последнего: «возможно, что говорил» о предложении участвовать в контрреволюционной организации «в туманной форме». Вот это неполная правда! Какое уж тут «возможно», если и той же И. Одоевцевой, одной из многочисленных своих учениц, и поэтам М. Кузьмину, Г. Иванову, и многим дру-

гим знакомым литераторам Гумилев «таинственно» намекал на свою причастность к «организации». Вот что вспоминает Одоевцева: «Гумилев был страшно легкомысленным... Как-то мы возвращались с поэтического вечера, Гумилев сказал, что достал револьвер – "пять дней охотился". Об этом я рассказывала, но то, что "Гумилев всем показывал револьвер", не говорила и не писала никогда – мне напрасно приписывают эти слова. Я думала, что с револьвером – это игра Гумилева в солдатики. Может быть, все было игрой... Кузьмин однажды сказал: "Доиграетесь, Коленька, до беды!" Гумилев уверял: "Это совсем неопасно – они не посмеют меня тронуть"...». Отметим это ощущение от поведения Гумилева – как от игры, а также его олимпийскую уверенность в своей неприкосновенности.

Что касается денег, то для чего их взял Гумилев? Для печатания прокламаций, которых не печатал, или же для покрытия личной финансовой брешки? Однако взял. У ярых врагов советской власти. Как это могли оценивать чекисты? На дворе было время беспощадной борьбы с контрреволюцией, множеством врагов советской власти. В деле Гумилева это явилось отягчающим обстоятельством.

Теперь о тех, кого Гумилев собирался «привлечь к контрреволюции»: сначала это «кучка прохожих», которая «при общем оппозиционном настроении» пошла бы за ним, известным поэтом, затем – группа из «товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием» и, наконец, «не имел в виду никого в отдельности». Не следует пренебрегать той фантастической и романтической картиной, которая возникла в воображении поэта, когда он представил себя чуть ли не одним из вождей восстания («сохранить мою независимость?»), свергающего жестокую власть – власть, подавляющую «частную инициативу в Советской России», попирающую представления поэта о свободе и демократии.

Впрочем, поэт всегда в оппозиции... Таких во все времена всегда хватало. Они и сегодня шагают в рядах пятой колонны. Не будем называть их гнусные имена...

Лист № 88 (машинопись) 23.8.1921.

Допрошенный следователем Якобсоном, я показываю следующее: никаких фамилий, могущих принести какую-нибудь пользу организации Таганцева путем установления между ними связей, я не знаю и потому назвать не могу. Чувствую себя виновным по отношению к существующей в России власти в том, что в дни Кроуштадтского восстания был готов принять участие в восстании, если бы оно перекинулось в Петроград, и вел по этому поводу разговоры с Вячеславским.

Лист № 102

Заключение по делу № 2534 Гумилева Николая Станиславовича [зачеркнуто, написано сверху чернилами «Степановича»], обвиняемого в причастности к контрреволюционной организации Таганцева (Петроградской боевой организации) и связанных с ней организаций и групп.

Следствием установлено, что дело гр. Гумилева Николая Станиславовича [зачеркнуто, написано сверху чернилами «Степановича»], 35 лет, происходит из дворян, проживает в г. Петрограде, угол Невского и Мойки, в Доме искусств, поэт, женат, беспартийный, окончил высшее учебное заведение, филолог, член коллегии издательства Всемирной литературы, возникло на основании показаний Таганцева от 6.8.1921, в котором[-ых] он показывает следующее: «Гражданин Гумилев утверждал курьеру финской контрразведки Герману, что он, Гумилев, связан с группой интеллигентов, которой последний может распоряжаться и которая в случае выступления готова выйти на улицу для активной борьбы с большевиками, но желал бы иметь в распоряжении некоторую сумму для технических надобностей. Чтоб проверить надежность Гумилева, организация Таганцева командировала члена организации гр. Шведова для ведения окончательных переговоров с гр. Гумилевым. Последний взял на себя оказать активное содействие в борьбе с большевиками и составлении прокламаций контрреволюцион-

ного характера. На расходы Гумилеву было выдано 200 000 рублей советскими деньгами и лента для пишущей машинки.

В заключении Якобсона явная натяжка. Гумилев ленту для пишущей машинки не взял и прокламаций контрреволюционного характера не сочинял.

В своих показаниях гр. Гумилев подтверждает вышеуказанные против него обвинения и виновность в желании оказать содействие контрреволюционной организации Таганцева, вызвав[шееся] в подготовке кадра [?] интеллигентов для борьбы с большевиками и в сочинении прокламаций контрреволюционного характера.

Признает своим показанием: гр. Гумилев подтверждает получение денег от организации в сумме 200 000 рублей для технических надобностей.

В своем первом показании гр. Гумилев совершенно отрицал его причастность к контрреволюционной организации и на все заданные вопросы отвечал отрицательно.

Виновность в контрреволюционной организации гр. Гумилева Н. Ст. на основании протокола Таганцева и его подтверждения вполне доказана.

На основании вышеизложенного считаю необходимым применить по отношению к гр. Гумилеву Николаю Станиславовичу, как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции, высшую меру наказания – расстрел.

Следователь: Якобсон

Оперуполномоченный ВЧК: [подпись отсутствует]

В наше время защитники Гумилева возмущены тем, что один человек, следователь Якобсон, одним росчерком пера погубил знаменитого поэта и что чекисты не имели права по принятому в январе 1920 года постановлению брать на себя функции суда! И все же взяли. И никто им не помешал. Так вот, тогда ЧЕКИСТЫ ИМЕЛИ ТАКОЕ ПРАВО.

Что касается одного росчерка пера Якобсона, читаем лист дела № 104:

Выписка из протокола заседания Президиума Петрогуб. Ч. К. от 24.8.21:

«Гумилев Николай Степанович, 35 лет, дворянин, филолог, член коллегии издательства "Всемирная литература", женат, беспартийный, б. офицер, участник Петроградской боевой контрреволюционной организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, кадровых офицеров, которые активно примут участие в восстании, получил от организации деньги на технические надобности».

Приписка:

«Приговорить к высшей мере наказания – расстрелу».

Приговор был приведен в исполнение.

Гибель поэта не оставила равнодушными многих. Об этом – в предыдущем листе дела № 103:

В Президиум Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии.

Председатель Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, член редакционной коллегии государственного издательства «Всемирная литература», член Высшего совета Дома искусств, член Комитета Дома литераторов, преподаватель пролеткульта, профессор Российского института истории искусств, Николай Степанович Гумилев арестован по ордеру Губ. Ч. К. в начале текущего месяца.

Ввиду деятельного участия Н. С. Гумилева во всех указанных учреждениях и высокого его значения для русской литературы, нижепоименованные учреждения ходатайствуют об освобождении Н. С. Гумилева под их поручительство (чернила).

Председатель Петроградского отдела Всероссийского Союза писателей А. Л. Вольнский.

Товарищ председателя Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов

М. Лозинский

Председатель коллегии по управлению Домом литераторов

Б. Харитон

Председатель ПРОЛЕТКУЛЬТ

А. Маширов

Председатель Высшего совета Дома искусств [машинопись]

М. Горький

Член издательской коллегии «Всемирной литературы»

[машинопись] Ив. М. [неразборчиво].

Смотрим последний лист дела.

Лист № 107

Удостоверяю, что квартира № 2 по Преображенской улице, 5–7 в марте 19 года взята во временное пользование со всей обстановкой с инвентарем моим покойным мужем Н. С. Гумилевым у С. В. Штюрмера, а поэтому вся в ней обстановка принадлежит Штюрмеру, кроме 1303 экз. книг, [которые] принадлежат моему мужу Н. С. Гумилеву.

Анна Гумилева.

22 сентября 1921 г.

ДКТ заверяет правильность подписи.

Председатель ДКТ Прокофьев.

[две печати и штамп домоуправления].

Как-то прозаично и буднично заканчиваются дела поэта Н. Гумилева.

Гибель любого человека – трагедия. В лице же Николая Гумилева Россия потеряла великого поэта.

Следует заметить, что на любое событие, эпизод жизни всегда следует смотреть глазами того времени. В далеком 21 году прошлого столетия Николай Гумилев виделся врагом советской власти, да еще чуждым по классу, и судьба его сложилась по законам того времени. Доживи он до 37 года, судьба его была бы такой же. Тогда в годы большого террора погибли тысячи, тысячи... Многие гибли за пустячные обвинения, а случалось, под каток репрессий попадали невинные.

Конечно, жаль, что ушел из жизни такой поэт, как Николай Гумилев. Но колесо истории обратно никому не повернуть.

Глава 8. Эмиграция была разной

Тысячи и тысячи русских, бежавших из России, оказались на Западе. Накануне Второй мировой войны во Франции было 400 тысяч белоэмигрантов, в Германии – 150 тысяч, в Польше – 100 тысяч. Далее шли Китай (главным образом Маньчжурия и Шанхай) – 70 тысяч человек, Югославия – 40 тысяч человек, в Чехословакии, Болгарии и Литве – в каждой по 30 тысяч человек, в Румынии – 10 тысяч человек.

Особой страницей истории был исход русских людей из Крыма.

17 ноября 1920 года на 126 судах страну покинули 145 693 человека, не считая судовых команд. В том числе около 50 тысяч чинов армии, свыше 6 тысяч раненых, остальные – служащие различных учреждений и гражданские лица и среди них около 7 тысяч женщин и детей. Путь на чужбину для них был трудным. Перегруженные людьми и ценным имуществом корабли добирались до берегов Турции в течение нескольких дней. Скученность, теснота, отсутствие бытовых удобств не были единственными проблемами, которые военным и беженцам пришлось испытать на себе. Так начинался «белый крестный путь» армии в изгнание. На седьмой день этого пути армада из старых, проржавевших и донельзя перегруженных судов бросила якорь на рейде Константинополя, занятого союзниками России по Антанте. Из сырых тесных трюмов на палубу вылезли зачумленные, измученные морской болезнью и голодом донские и кубанские казаки, терцы и астраханцы, калмыки и лезгины «дикой дивизии» – возбужденная, нервная, плохо управляемая толпа. Сто пятьдесят тысяч незваных гостей сошли на турецкий берег. Сто пятьдесят тысяч штыков и сабель. Сто пятьдесят тысяч ртов. И все хотели есть. Жить и есть.

Никогда еще современная Европа не знала столь массовой эмиграции, названной «великим русским исходом». И Франция уже жалела, что взяла ее под свое покровительство. Не безвозмездно, конечно, ведь Черноморская эскадра, пригнанная в Константинополь, отходила ей. Люди столкнулись с небывалыми для них трудностями. Им довелось испытать то, что и в страшном сне не приснится.

Больных и раненых русских сразу же определили в полевые госпитали, лазареты и инвалидные дома. Мертвых снесли на Скутарийское кладбище. Гражданских загнали в лагеря для беженцев в Катарро и на прибрежные острова. А разоруженных теперь солдат и казаков распилили по баржам и поспешно сплывили с глаз долой: кого – на мрачный остров Лемнос, «водяную тюрьму» Эгейского моря, кого в Галлиполи на пустынном берегу Дарданелл, кого – в «проклятую пыльную дыру» Чаталджи у Босфора. Здесь, под открытым небом и неусыпным оком французских патрулей, «великая и немая армия», терпя лишения, голод, гонения и несправие, зарывалась от зимней стужи в землю и скальный грунт и забивалась в полотняную тесноту походных палаток. Чужой город стал для русских пристанищем.

Сам Константинополь превратился в огромный бивуак русских изгнанников, где многие жили, «сидя на чемоданах», в ожидании какого-то чуда. Толпы одичавших солдат в дырявых прострелянных шинелях, с женщинами и детьми осаждали дворец Российского посольства на Пере, толкались в приемных иностранных консульств и у ворот международного бюро Красного Креста. Бездомные скитальцы, они днем мотались по городу, кланча даровую пищу и грошовый заработок, а по ночам ютились в богадельнях и во вшивых ночлежках, спали под худыми лодками на морском берегу или в пустых дворах.

Буря, которая выбросила русских из Крыма, обрушилась на них девятым валом на берегах Золотого Рога.

– Мы испили чашу человеческого унижения до самого дна. Мы узнали, что значит жить на французском пайке, который ежедневно урезался, и на месячное пособие в одну лиру. Местные вышибалы спускали нас с лестниц казенных палат, а чернокожие сенегальские стрелки во

французских мундирах разгоняли нас палками. Мы стали отребьем, людьми без Отечества, полынью в чужом краю.

А пока барон Врангель и генерал Кутепов увлеченно «играли в солдатиков» на борту роскошной яхты «Лукулл», солдаты и офицеры русского воинства уже нанимались на службу в местную полицию, вербовались в Иностранный легион и французские колониальные войска, шли в отряды мятежного Кемаль-паши или медленно, но безнадежно опускались на дно, теряя человеческое обличье. Некоторых из них ретивые интенданты тайно продавали в рабство на плантации Бразилии или же нефтяные промыслы в Баку и Батуми.

На бедах людей старались нажиться разные деляги и проходимцы, обманщики. Обманом отправили транспорт с двумя тысячами казаков – не в обещанный им болгарский Бургас, а в... красную Одессу. Там их уже ждали.

С начала 1921 года французы все настойчивее стали требовать расселения крымских беженцев по странам Европы, но там никто и слышать об этом не желал. И только одна Югославия после долгих раздумий согласилась принять Белую гвардию, и то преимущественно ее рядовой состав и казачество. Югославия сама не знала аристократии и не хотела у себя русских аристократов или генералов-белоручек. Так и сложилось: Париж и Прага приняли нашу интеллигенцию, Америка дала приют инженерам и дельцам, Берлин всосал в свои трущобы наших уголовников, а Югославия пригрела военщину. Заканчивалось ее «константинопольское сидение». Постепенно поток эмигрантов, осевших в Константинополе, начал уменьшаться.

В течение августа первые транспорты с низшими чинами, палатками, походными кухнями и полевыми госпиталями отбыли морем в Салоники, а оттуда по железной дороге – в Сербию. И вскоре русские изгнанники, оставленные всем миром, истощенные и нищие, появились во всех захолустьях Королевства. К этому времени Югославия уже была наводнена русскими беженцами, и не было такого местечка или селения, где бы не существовала русская колония. Поэтому белые встретили радушный прием, и им жилось несколько лучше, чем где бы то ни было: русский солдат был не чужеземцем для сербского крестьянина-хлебопашца, а своим братом-славянином. Работа, хотя и черная, и непривычная, находилась каждому изгнаннику – и трудовому, и хорунжему. И не все сменили винтовку на лопату и кирку, а шашку – на топор и кайло. Все кавалеристы, например, поступили на пограничную службу и в сербскую жандармерию, авиаторы и артиллеристы – в армию. Те, кто знал иностранные языки, получили место в банках, конторах и фирмах. Художники-любители малевали вывески лавок и театральные декорации. Затертые в толпе боевые офицеры брались за сапожное, слесарное и столярное дело, копали канавы, мостили дороги, валили лес, шоферили, служили мелкими чиновниками; солдаты и казаки добывали в рудниках уголь, работали поденщиками на виноградниках, служили конюхами в богатых домах, собирали жатву, били камень в карьерах и батрачили. Бывший камер-юнкер пас коров, кавалергард стоял за прилавком. Жены офицеров становились прачками, кухарками, нанимались прислугой, торговали на базаре и в мелочных лавках, нередко и собой.

Русские, рискуя жизнью, очищали Югославию от неразорвавшихся снарядов, мин и фугасов, оставшихся от Первой мировой войны. Именно русские пробили в горах Македонии первоклассную по тем временам шоссеиную дорогу, названную впоследствии «Русский путь». И именно они проложили в крайне тяжелых условиях железнодорожную магистраль к болгарской границе. И именно русские казаки на державной таможенной службе Сербии, стали грозой албанских и итальянских контрабандистов, одновременно пополняя казну Королевства. Именно русские архитекторы и строители возвели в Белграде десятую часть всех его домов, построенных между двумя войнами.

Все жили крайне скудно, большинство – в подвалах домов, в лачугах на окраине города, в сторожевой будке на железнодорожном переезде, в сараях, в бараках, казармах и ангарах вблизи Маркарницы, построенных властями специально для русских. Семья в три-четыре

человека ютилась в одной комнате. Их многочасовой труд оценивался нищенской зарплатой в 20–30 динар (40–60 копеек) в день. Жены, вдовы и дети стояли в очередях за пособием в 200–300 динар, а семьи, имеющие 1000 динар в месяц, считали себя счастливыми. Все обходились без прислуги, обедать в ресторане считалось предосудительным: это могли себе позволить только спекулянты, лавочники, владельцы казино и игорных домов, были среди них и такие. Появляться в хорошем костюме стало признаком дурного тона, признаком порядочности были рваные сапоги и потертые локти.

Для многих из них жизнь вдали от Отечества стала настоящей пыткой. Кто не знал изгнания, тот не поймет, что такое любовь к Родине со всеми ее страхами и горестями. К несчастью, Югославия ничем не напоминала родные места – ни климатом, ни растительностью, ни бытом, ни национальным характером народа. Ведь у них даже дворовые собаки другие!

Но тяжелее бедности и бытовых неурядиц была неуверенность в завтрашнем дне, вечное ожидание надвигающейся беды, ведь даже исполнение изгнанниками русского гимна расценивалось властями как политическая демонстрация, о чем немедленно летел донос в полицию.

– Изгнание и жизнь на чужбине – страшные вещи, – вспоминал один боевой офицер, полковник. – Первым делом с нас сняли форму, ордена и регалии, спорили погоны и знаки отличия и лишили даже именного оружия. «Вы должны забыть, что вы полковник Русской армии», – поучал чиновник державной службы заслуженного офицера, ветерана Порт-Артура и героя Брусиловского прорыва. И отправлял его на работу писарем в казенное учреждение или на службу к полуграмотному селянину.

Очень много эмигрантов осело в Париже. Устраивались, как кому повезло: и таксистами, и швейцарами...

– Всех одолевала тоска по России, – говорил эмигрант пятидесятилетнего возраста. – Я ведь родился там... Там у меня все: гимназия, университет, студенческие балы, первая любовь... могилы... И ничего. Ни-че-го. Жидкий кофе с круассаном, дыра на пятом этаже, постель с клопами... Я ведь математик... Наверно, им нужны математики? И что мне до белого коня, на котором въедет или, наверное, никогда не въедет какой-то генерал? Я этих генералов не знал и знать не хотел.

Как правило, эмигранты не имели гражданства СССР, но и не принимали гражданства других стран. Жили они, имея на руках так называемый «нансеновский» паспорт. «Нансеновские» паспорта – временные удостоверения личности, введенные для апатридов и беженцев Лигой Наций по инициативе Ф. Нансена, выдавались в 20-х годах на основании специальных Женевских соглашений 1922 года.

Легендированная контрразведывательная операция «Трест»

Глава 9. Замысел «Треста»

Октябрьская революция расколола Россию, а затем и весь мир на два непримиримых лагеря. Захватив власть в стране вооруженным путем и не чувствуя под собой твердой почвы, большевики были вынуждены вести борьбу с многочисленными врагами, прибегая при этом к методам массового террора. Победа в Гражданской войне не успокоила советских вождей, так как противники новой власти в результате эмиграции оказались за рубежом, вне досягаемости ВЧК. Что же касается лидеров проигравших политических партий и белого движения, то они не желали мириться с поражением и всеми доступными средствами пытались продолжить борьбу.

В. И. Ленин и его соратники, сами пришедшие к власти из эмиграции, хорошо понимали непрочность своего положения и опасались политических эмигрантов, которые начали организовываться в союзы с целью борьбы с большевиками. К тому же лидеры белой эмиграции опирались в этой борьбе на поддержку буржуазных правительств иностранных государств. Поэтому работа против белой эмиграции стала первоочередной задачей ВЧК – ОГПУ за границей. Особую тревогу у советского руководства вызывали ушедшие за границу подразделения белой армии, сохранившие свою организацию и руководство. И именно против них были направлены основные усилия зарубежной агентуры советских спецслужб.

Белая эмиграция не была однородной. Часть наших соотечественников оказалась за границей из-за страха перед ужасами Гражданской войны или неприятия советской власти. Но при этом они не собирались с этой властью бороться. Другие эмигранты, большинство которых составляли те, кто с оружием в руках сражался против большевиков, не собирались сидеть сложа руки. Они создавали организации, главной целью которых было свержение советской власти в России.

Таких было много. Да, много было активных врагов, для которых борьба с советской властью стала смыслом жизни.

Практически сразу после окончания Гражданской войны на территории сопредельных с Советской Россией государств возникли многочисленные белоэмигрантские организации, такие как савинковский «Народный союз защиты родины и свободы» (Польша), «Объединенная русская армия» (Сербия), «Высший монархический совет» (Германия), «Русский общевойсковой союз» (Западная Европа), «Союз русских эмигрантов» (Манчжурия) и другие. Кроме того, продолжали вооруженную борьбу отдельные отряды белогвардейцев под командованием атаманов Анненкова, Дутова, Семенова, барона Унгерна и др. При этом никто из них не отказывался от актов террора. Они готовились к нему основательно. Строили различные планы борьбы. Проведем выдержку из боевой диспозиции «Союза национальных террористов» (создан в мае 1927 года членами РОВС Георгием Радковичем и Марией Захарченко-Шульц), которую направил главе боевой организации РОВС генералу Кутепову бежавший на Запад в апреле 1927 года агент КРО ОГПУ Опперпут-Стауниц:

«После первых ударов по живым целям центр тяжести должен быть перенесен на промышленность, транспорт, склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты. Я полагаю, что для уничтожения южных портов на каждый из них нужно не более 5-10 человек, причем это необходимо сделать одновременно, ибо после первых же выступлений в этом направлении охрана их будет значительно усилена. Сейчас же вообще

никакой вооруженной охраны их нет. После первых же выступлений необходимо широко опубликовать и разослать всем хлебным биржам и крупным хлебно-фуражным фирмам сообщение Союза национальных террористов, в котором они извещают, что все члены СНТ, находящиеся в России, не только будут сдавать советским ссыпным пунктам и элеваторам свой хлеб отравленным, но будут отравлять и хлеб, сдаваемый другими. Я не сомневаюсь, что даже частичное отравление 3–4 пароходов, груженных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит все солидные фирмы от покупки советского хлеба. Конечно, о каждом случае отравления немедленно весьма широко должна быть извещена пресса, чтобы не имели места случаи действительного отравления иностранцев. То же самое можно будет сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например с сибирским маслом. При введении своих людей в грузчики, портовые и таможенные служащие это будет сделать нетрудно. Этим был бы нанесен советам удар, почти равносильный блокаде... Помимо этого, уничтожение элеваторов не только сильно удорожит хлеб, но и ухудшит его качество. Я совершенно не сомневаюсь, что на это нетрудно будет получить в достаточном количестве технические средства, вплоть до хорошо вооруженных моторных лодок. Если бы таковые были получены, то можно было бы развить и некоторое пиратство для потопления советских пароходов... Ведь сейчас имеются моторные лодки более быстроходные, чем миноносцы. При наличии моторного судна можно было бы устроить потопление должествующего скоро возвращаться из Америки советского учебного парусника "Товарищ". При медленном его ходе настигнуть его в открытом океане и потопить так, чтобы и следов не осталось, не так уже было бы трудно. А на нем ведь исключительно комсомольцы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий. Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь нарушение контрактов на поставку нефтепродуктов и колоссальные неустойки. Здесь мы найдем широкую поддержку от нефтяных компаний. Когда американские контрабандисты имеют свои подводные лодки и аэропланы, разве нам откажут в получении хороших моторных лодок, если мы докажем свое?

Надо немедленно начать отправку в Россию различными способами агитационной литературы с призывами к террору и к самоорганизации террористических ячеек, выступающих от имени СНТ. Я думаю, что применительно к советским сокращениям организация могла бы сокращенно именоваться "Сент" или "Сенто", а члены — "Сентоки" или "Сентисты".

Необходимо, чтобы отправляемые террористы при выступлениях всегда бросали записки, что покушение или акт сделан такой-то группой СНТ, постоянно меняя нумерацию, чтобы создать иллюзию мощи СНТ и сбить с толку ГПУ...

Для уничтожения личного состава компартии придется главным образом применить культуру микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т. д.). Этот способ, правда, наиболее безопасен для террориста, и если удастся наладить отправку в Россию культур болезней, то один террорист сумеет вывести в расход сотни коммунистов... Организовать отправку культур микробов очень легко через дипломатов-контрабандистов. Очень многие дипломаты лимитрофных государств (так в 20-е годы называли западных соседей СССР: Финляндию, Прибалтику, Польшу и Румынию) занимаются провозом в Москву контрабанды и возят ее сразу до 10 пудов (3–4 чемодана). За провоз берут от 150 до 300 долларов за чемодан...

При некоторой осторожности через них можно будет отправлять и газы, и взрывчатые вещества. Только всем этим предметам нужно придавать товарный вид, то есть чтобы дипломаты и посредники не знали, что они в действительности везут. Помимо того, чемоданы должны быть с особо хорошими замками, чтобы дипломат из-за любопытства не полез бы туда...

Культуры бактерий отправлять лучше всего в упаковке от духов, одеколона, эссенции, ликеров и т. д. Газы под видом каких-либо лаков в жестяной или стальной упаковке. Взрывчатые вещества под видом красок, ванили, которая пересылается в жестяных коробках...

При выборе целей для таких терр. актов надо иметь в виду только те учреждения, где все без исключения служащие, а также посетители являются коммунистами.

Таковы: 1. Все областные комитеты ВКП(б), все губернские комитеты ВКП(б), все партийные школы, войска ГПУ и органы ГПУ...» (далее следует список из 75 учреждений в Петрограде и Москве с их адресами).

Такого рода диспозиции и планы имели практически все белоэмигрантские организации. И говорить о том, что эти планы остались только на бумаге, – грубая ошибка.

В сентябре 1924 года генерал-лейтенант Врангель распустил «Объединение Русской армии» и создал «Русский Общевоинский Союз» – РОВС. Структура РОВС была продуманной, многоступенчатой и охватывала своей сетью едва ли не весь мир. Ее программой было: «Нельзя ждать смерти большевизма – его надо уничтожить».

Обстановка в мире была непростой. Об этом говорил Ф. Э. Дзержинский:

«Обстановка требует сосредоточения нашего внимания на задачах чисто политических. Мы и называемся теперь Государственным политическим управлением. Надо, чтобы это название – ГПУ — внушало врагам еще больший страх, чем ВЧК. Теперь условия работы осложнились. И в особенности это относится к борьбе с контрреволюцией. Товарищ Ленин говорил, что от нас требуется больше умения и знания тактики врагов. Сфера наших действий становится более узкой, но ответные удары ГПУ по врагам Советской власти должны быть более точными и сокрушительными. Мы победили в гражданской войне, мы выбросили за границу не одну тысячу наших заклятых врагов. Они рассеяны по всему миру, они нашли себе приют во всех европейских столицах. Там они вынашивают планы террористических актов, диверсий, проникновения в Советскую страну. Им помогают разведки капиталистических стран. Вооруженные силы белых, сосредоточенные главным образом в Сербии, представляют несомненную опасность. И Врангель всячески старается сохранить боеспособность своего так называемого ОРА – Объединения русской армии...»

По сведениям из-за границы и данным, полученным внутри страны, мы убедились, что на советской территории действует довольно многочисленная и глубоко законспирированная контрреволюционная организация. Она называется Монархическая организация центральной России – МОЦР. Центр ее находится в Москве, а разветвления – в Петрограде, Нижнем Новгороде, Киеве, Ростове-на-Дону и на Северном Кавказе. Несомненно, что существуют еще организации и группы, пока неизвестные нам. МОЦР установила прямой контакт с центрами белой эмиграции за границей и, опираясь на их помощь, готовит восстания против Советской власти. ГПУ обязано проникнуть в замыслы и планы врага и в нужный момент нанести ему сокрушительный удар».

Для борьбы с противниками Советского государства – а многие из них были лютыми врагами, были организованы, действовали нагло – нужно было предпринять серьезные, эффективные меры. И тогда чекисты придумали «Трест».

Нужна была легендированная крупномасштабная организация против той части монархической белой эмиграции, которая из-за границы продолжала вести борьбу против Советской России. Для нее Владимир Андреевич Стырне придумал криптоним «Трест».

Параллельно с «Трестом» проводилась операция «Синдикат-2» против Савинкова.

Идея создания такой организации, как «Трест», приписывают Ф. Э. Дзержинскому и Кияковскому (Стацкевичу). На самом деле она принадлежала Владимиру Федоровичу Джунковскому.

«Белое движение можно разложить, лишь внедрив в него людей, близких его деятелям по происхождению и биографии. Причем эти люди должны быть проверяемы.

До революции в военных, чиновничьих, думских, промышленных кругах все знали друг друга если не лично, то понаслышке. Чужого здесь изобличат, вопрос лишь во времени... И в

его судьбе», – говорил профессионал Джунковский. Он в дальнейшем принимал участие, как консультант, в разработке и проведении операций «Трест» и «Синдикат-2»²⁰.

Именно Джунковский и предложил «смелый план организации крупной легенды, которая, подкупив штабы лимитрофных государств качеством сведений о Красной армии, в последующем своем развитии при помощи штабов должна подмять под себя все зарубежные монархические центры и навязать им тактику, разработанную ГПУ, которая гарантирует им разложение от бездействия на корню». Уже позже эта разработка приобретет свое наименование – «Трест» (автором этого имени, как уже говорилось, считается известный чекист, помощник начальника КРО ГПУ В. А. Стырне).

Первым этапом операции «Трест» стало создание легенды о существовании на территории Советской России некой «Монархической организации Центральной России» – сокращенно МОЦР. У чекистов было стремление представить МОЦР как мощную заговорщическую шпионскую организацию, охватившую значительную часть командного состава РККА и способную возглавить контрреволюционные силы свергнуть советскую власть.

А кто такой Кияковский?

Виктор Станиславович Кияковский (настоящая фамилия Стацкевич) родился в 1889 году в городе Вильно. До 1920 года активно сотрудничал со 2-м отделом («двуйка») Польского Главного штаба, был негласным резидентом польской военной разведки и структур «Польской Военной Организации» (ПОВ) в Петрограде. Среди работников «двуйки» и ПОВ Стацкевич проходил под псевдонимом «Вик». В 1920 году И. И. Сосновский и польский коммунист Э. В. Рожен-Маковский уговорили Стацкевича перейти на сторону Особого отдела ВЧК. Брат «Вика», коммунист, недавно погиб на фронте, и «Вик» согласился прекратить ведение разведывательной деятельности в пользу Польши и сдать всех работников, сотрудничавших с ним. После перехода на сторону Советов Кияковский стал работать в органах ВЧК – ГПУ. В 1922 году он возглавил отделение по борьбе со шпионажем со стороны стран Центральной и Западной Европы КРО ГПУ.

Для борьбы с умными, энергичными врагами требовались решительные меры, изобретательность.

По легенде МОЦР ставила особые задачи и в военной сфере. Организация должна была заняться «...упрочнением монархических и националистических идей в Красной армии, завоеванием кадровым офицерством командных постов, борьбой с единоначалием в Красной армии... упразднением комиссарского состава... созданием организационных ячеек в частях, насаждением... людей [в оригинале: «наших людей»] во все арсеналы и склады боевых припасов и снаряжения».

Уже в феврале 1922 года за рубеж была передана первоначальная информация «о существовании на территории РСФСР контрреволюционной монархической организации». Получателем первоначальной информации стал сотрудник эстонской миссии в Москве Роман Бирк. Чекисты обоснованно посчитали, что Бирк мог сообщить о контрреволюционной организации в России представителям эстонской военной разведки. Передачу материалов о МОЦР провел сам Кияковский, позднее (18 апреля 1922 года) он завербовал и самого Бирка в агенты ГПУ (последнему был присвоен оперативный псевдоним «Груша»). Новый агент в дальнейшем принял активнейшее участие в развитии легенды о существовании МОЦР.

Конечной целью чекистов в операции «Трест» являлось обеспечение агентурного проникновения в монархические эмигрантские круги и в разведки буржуазных государств. Агентура КРО ГПУ – ОГПУ стремилась получить данные обо всех белоэмигрантских воинских формированиях, об их планах, а также пыталась дезинформировать иностранные разведки и

²⁰ В. Ф. Джунковский 21 февраля 1938 года был расстрелян и захоронен на Бутовском спецполигоне НКВД.

информировать органы госбезопасности о деятельности их агентуры на территории Советского Союза.

Успех дела могла обеспечить агентура. Одним из агентов стал Бирк «Груша».

Кроме участия в операции «Трест», агент «Груша» активно работал и по линии сбора агентурных материалов на ряд бывших царских офицеров. Сам выходец из этой среды, Бирк хорошо знал многих латышей и эстонцев, ранее служивших в царской армии и занявших теперь видные посты в РККА. Так, его хорошим приятелем был И. Е. Вацетис. Тот нередко бывал в гостях у эстонского дипломата, передавал Бирку советские военные журналы и различную литературу по военной тематике. В знакомых Бирка ходили и бывшие царские генералы Свечин, Незнамов, Лебедев. Из разговора с последними Бирк «...узнавал весьма ценные для эстонского штаба сведения». Завербованный чекистами, Бирк также осуществлял и агентурное наблюдение за Вацетисом.

Агентурную сеть нужно было расширять. Сотрудники КРО ГПУ постепенно стали вовлекать в агентурную разработку по линии МОЦР новых секретных работников.

В последнее десятилетие на многочисленных печатных страницах, на телеэкранах, в кино обстоятельно рассказывалось и об операции «Трест». Ранее об этом было лишь на страницах специальных закрытых учебников. Изложение событий тех далеких лет впервые было озвучено в книге Льва Никулина «Мертвая зыбь». Затем одним из первых отечественных сериалов советского времени стал многосерийный фильм Сергея Колосова «Операция "Трест"», в котором на экране были воплощены герои и антигерои легендарной чекистской операции 20-х годов XX века, длившейся около пяти лет и практически парализовавшей деятельность белоэмигрантских организаций и иностранных разведок против СССР. В этом сериале был собран «звездный ансамбль» – Людмила Касаткина, Игорь Горбачев, Армен Джигарханян, Донатас Банионис. Центральными персонажами фильма, несомненно, стали чекист, начальник Контрразведывательного отдела ОГПУ Артур Христианович Артузов (эту роль играл актер А. Джигарханян) и его секретный агент, возглавивший фиктивную контрреволюционную организацию, Александр Александрович Якушев (актер И. Горбачев).

Так легендированная контрразведывательная операция «Трест» из закрытых источников шагнула в окружающий мир. Стала достоянием широких масс читателей и зрителей.

Глава 10. Александр Якушев

Он считается как бы одной из главных фигур в операции «Трест». С него якобы все началось... Однако это было не совсем так. Первоначально к работе в «Тресте» был привлечен один из давнишних агентов ВЧК – ГПУ – бывший царский полковник артиллерии Александр Евгеньевич Флейшер. До 1919 года он служил в Организационном управлении Всероссийского Главного штаба, одновременно состоял в контрреволюционной организации «Национальный центр», где заведовал артиллерией. Арестованный в 1919 году Флейшер дал наиболее полные показания о заговорщиках. Имеются сведения, что столь подробные показания он сообщил после пребывания в камере смертников. Когда следствие было окончено (а нужно отметить, что по делу «Национального центра» было расстреляно несколько десятков человек), Флейшера освободили из тюрьмы и включили в секретную сеть агентов ВЧК.

В мае 1922 года от имени МОЦР Флейшера направили в Эстонию. Цель этой поездки – «...установка шпионской связи с белогвардейскими организациями и военной разведкой Эстонии». Агенту ГПУ было вручено несколько документов, в том числе и «наказ», в котором говорилось, что «...МОЦР может взять на себя обязательство информировать эти государства о положении в России и предоставить в их распоряжение разведывательные материалы своего Военного штаба в пределах потребности именно тех государств, с которыми настоящие условия будут заключены».

11 мая 1922 года Флейшер прибыл в Ревель и почти сразу же оказался на приеме у начальника военной контрразведки Эстонии Лауринца. Уже позднее, прибыв в Советскую Россию, Флейшер сообщил в отчете, что он обещал Лауринцу «сведения о русской Красной армии». Эти сведения должны были «...состоять из схем организации Штаба РККА, штабов округов, формы одежды, а также характеристик на некоторых военачальников – Л. Д. Троцкого, С. С. Каменева, Э. М. Склянского». Одновременно эстонских военных интересовали полные установочные данные на ряд крупных советских военных — Я. Слащева, П. Лебедева, М. Ткачева.

Чекистам нужно было, чтобы легендированную организацию возглавил их человек.

Руководство КРО ГПУ хотело, чтобы Флейшер встал во главе легендированной организации МОЦР. В ряде документов (например, в записке Опперпута) сообщалось, что пребывание Флейшера в камере смертников не прошло для него бесследно. На момент их совместной работы с Опперпутом в 1922 году Флейшер «...не был совершенно вменяем... в его мозгу время от времени всплывали картины расстрелов... и для руководства "легендой" (т. е. организацией МОЦР) он не годился».

Дальнейшая судьба Флейшера: до 1925 года он продолжал служить в военных учреждениях РККА, далее перешел на работу в государственное акционерное общество «Мельстрой». Вторично его арестовали в 1935 году, когда после непродолжительного следствия бывшего агента КРО ГПУ – ОГПУ приговорили к трем годам ссылки. Далее следы Флейшера теряются на «островах» архипелага ГУЛАГ.

Теперь чекистам спешно требовался агент, который был бы хорошо знаком «с основными положениями монархической среды и хорошо бы представлял ту среду, которая возглавила это движение за рубежом». Чтобы такой агент был видной фигурой, незаурядным человеком. Так на горизонте возник Александр Якушев²¹.

А. А. Якушев родился 7 августа 1876 года в старинном русском городе Тверь. Происходил он из семьи потомственного дворянина, преподавателя Тверского кавалерийского юнкерского училища. Семейство Якушева-старшего жило трудом рук своих. В одном из послужных

²¹ Его подробная биография изложена в книге Михаила Тумшица «ВЧК: война кланов» (М.: «Яуза», «Эксмо», 2004).

списков Якушева-младшего записано: «...у родителей имения родового либо благоприобретенного... не имеется».

Проявив недюжинные способности, Саша Якушев окончил гимназию и поступил в 1894 году на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1899 году Якушев окончил полный курс наук в университете с дипломом 2-й степени. В августе того же года он поступил в «кузницу кадров» российского чиновничества – Министерство внутренних дел, где был причислен к земскому отделу и получил свой первый классный чин – губернский секретарь. В МВД Якушев долго не засиделся, уже в июне 1900 года его фамилия появилась в штатном расписании Министерства путей сообщения (МПС).

На новом месте службы он стал младшим помощником делопроизводителя юридической части Управления водных и шоссейных сообщений и торговых портов. В этом Управлении (МПС), расположившемся в Санкт-Петербурге на улице Итальянской, Якушев и начал свое восхождение по карьерной лестнице.

Через год он написал заявление на имя министра путей сообщения с просьбой разрешить ему «в свободное от служебных занятий время слушать курс в Санкт-Петербургском археологическом институте». Высшее начальство разрешило продолжить обучение. Якушев никогда не скрывал свое увлечение историей, живописью, ваянием. Вероятно, именно эти увлечения и привели его в стены Археологического института. Здесь готовили специалистов по различным отраслям археологии и архивоведения. Главным условием поступления в данное учебное заведение было то, что будущий студент обязан был иметь диплом о высшем образовании. В 1902 году Якушев успешно закончил обучение в Археологическом институте.

Начиная свою карьеру со скромного поста младшего помощника делопроизводителя, Якушев спустя короткое время стал уже делопроизводителем, затем старшим делопроизводителем и помощником начальника эксплуатационного отдела Управления водных и шоссейных сообщений МПС. Все эти кажущиеся скромными должности тем не менее двигали его по служебной лестнице Табели о рангах. В 1900 году Якушев – губернский секретарь (что соответствовало воинскому званию подпоручик), в 1905 году – титулярный советник (воинское звание – штабс-капитан), в 1907 году – коллежский асессор (воинское звание – капитан).

С 1911 по 1912 год Якушев одновременно со службой в Министерстве путей сообщения трудился и в Императорском Александровском лицее²². Первоначально он служил воспитателем, затем дежурным курса. Императорский Александровский лицей был высшим мужским дворянским учебным заведением закрытого типа. Успешное завершение учебы в лицее давало право на автоматическое получение 11 – го класса по Табели о рангах (вместо максимального 12-го после окончания университета). В лицее учились дети практически всех знатных аристократических фамилий царской России. Якушев, будучи воспитателем, а затем дежурным курса, сумел установить прекрасные личные отношения со многими представителями знатнейших родов. Связи, наработанные в Александровском лицее, были успешно использованы Якушевым при продвижении по службе в Министерстве путей сообщения.

Оставив службу в лицее, 15 марта 1913 года Александр Александрович был назначен на пост управляющего эксплуатационным отделом Управления водных и шоссейных сообщений МПС. Новая должность позволила получить ему чин статского советника. К тому времени за успехи по службе Якушев был награжден орденом Святого Станислава 2-й и 3-й степени, орденом Святой Анны 3-й степени, медалью в память 300-летия царствования дома Романовых. Спустя еще два года Якушева «...за успешные труды по проведению мобилизации 1914 года» наградят медалью ордена Белого Орла.

К началу Первой мировой войны, кроме службы в МПС, Якушев одновременно являлся членом Императорского общества судоходства. Почетным председателем этого общества был

²² Так стали называть Царскосельский лицей после его переезда в Санкт-Петербург.

великий князь Александр Михайлович. Общество ставило своей целью «...содействовать развитию торгового пароходства, внутреннего судоходства, судостроения и водных промыслов». Статский советник А. А. Якушев входил также в Совет Российской экспортной палаты (представлял там интересы МПС) и в Комиссию о новых железных дорогах.

Годовое содержание Якушева составляло восемь тысяч рублей в год (из них 3200 рублей – жалование, 3200 рублей – столовые и 1600 рублей выделялось на наем квартиры). Такие доходы позволили Якушеву переехать в один из доходных домов, расположенных на главной деловой улице российской столицы – на Большом проспекте (дом № 51). Это здание имело строгий и стройный вид и отвечало всем требованиям новой деловой российской элиты и высшего петербургского чиновничества: в доме были центральное отопление, лифт, ванные комнаты и даже своя телефонная станция.

Семейная жизнь Якушева шла зигзагообразно. Не была простой. Александр Александрович к тому времени уже был женат, имел троих детей – сына Александра и дочерей Ольгу и Наталью. Его жена Феодосия Александровна Якушева (в дальнейшем она будет именовать себя Фаиной), в девичестве Бесперечь, происходила из семьи действительного статского советника. Это был не первый брак Якушева: в 1905 году он расторг брачные отношения с Лидией Фоминичной Андреевой. От этого брака у Якушева остался сын Николай.

Нужно сказать, что развод слишком тяжело дался Якушеву. Было серьезно подорвано здоровье: неврастения, головные боли, головокружение, бессонница, припадки и сердцебиение. Пришлось восстанавливать силы на Кавказских Минеральных Водах. Причину столь тяжелого бракоразводного процесса Якушева можно узнать лишь из церковных документов. В материалах Санкт-Петербургского епархиального начальства значится, что «брак Якушева с Лидией Фоминичной по его Якушеву прелюбодеянию расторгнут... с дозволением Якушевой вступить в новое супружество, разрешить таковое и Якушеву».

В годы Первой мировой Якушев продолжал занимать пост управляющего эксплуатационным отделом в Министерстве путей сообщения. Тогда же Якушева назначили и председателем Особого распорядительного комитета по перевозкам при МПС. В этой должности Якушев ведал «...упорядочением перевозок и принятием мер по улучшению внутренних путей». В ноябре 1916 года Александру Александровичу «за всемерное содействие и участие в осуществлении сложной и ответственной задачи следования грузов чрезвычайной важности по водным путям и железной дороге» была выражена личная искренняя благодарность от морского министра генерал-адъютанта Григоровича.

К сорока годам Якушев стал «особой четвертого ранга», то есть действительным статским советником. В Табели о рангах чин действительного статского советника соответствовал чину генерал-майора в армии или контр-адмирала на флоте. Якушев имел право на обращение «Ваше высокопревосходительство», а потомки его – на дворянский титул. В кругах высшего столичного чиновничества поговаривали, что протекцию Якушеву устроил отец одного из бывших воспитанников Александровского лицея. У этих слухов были веские причины: для получения чина действительного статского советника требовалось выслужиться в предыдущем классе (статский советник) пять лет либо прослужить в классных чинах не менее двадцати лет. Якушев прослужил всего семнадцать лет, да и статским советником он пробыл менее пяти лет. Все это давало почву для разнообразных слухов вокруг фигуры Якушева.

Наступил февраль 1917 года. В более ранних публикациях о нашем герое утверждалось, что он с неприятием встретил Февральскую революцию. Когда глава Временного правительства князь Львов предложил Якушеву пост товарища (то есть заместителя) министра путей сообщения, тот якобы отказался и заявил, что «...он верноподданный его величества и Временного правительства не признает». Архивные документы же говорят о другом. Александр Александрович остался служить в Министерстве путей сообщения, где сохранил за собой пост заведующего отделом перевозок по водным путям.

Одновременно его фамилия, как представителя министерства, фигурирует в списках Комиссии особоуполномоченного по объединенному и высшему руководству по разгрузке Петрограда. Эта комиссия действовала с августа 1917 года и ведала вопросам организации и осуществления вывоза из российской столицы людей и грузов.

Нежданно-негаданно для Якушева пришел 17-й год – Октябрьская революция, которую он встретил с полным неприятием. Все высшие чиновники Министерства путей сообщения, в том числе и Якушев, активно участвовали в саботаже новой власти. В начале декабря 1917 года здание на Фонтанке, где располагалось МПС, занял отряд революционных солдат и матросов во главе с комиссарами из «путейской комиссии» М. Т. Елизаровым и В. И. Невским. Всем служащим было объявлено, что с 8 декабря 1917 года «в помещение будут допускаться только давшие подписку о подчинении распоряжениям народного комиссара».

Якушев такой подписки не дал и был изгнан из министерства. Имея на руках большую семью, он, что называется, остался без средств к существованию. Положение становилось критическим, ведь старшему ребенку Якушева – сыну Александру – было всего шесть лет, а младшему – дочери Наталье – лишь два года. Жили Якушевы в то трудное время в основном на деньги, вырученные от продажи фамильного серебра и фарфора.

Якушев был «буржуй» и чувствовал себя неудобно. Вспомним слова Владимира Маяковского:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй...

В 1918 году Якушев вступил в одну из контрреволюционных организаций в бывшей российской столице, правда, скорее всего, это была не преступная организация, а обычный салон, где любили встречаться своим кругом бывшие сослуживцы и знакомые из высшего Петербургского общества. Здесь они могли повздыхать о прошлых ушедших годах, позлословить о большевиках и обменяться слухами об их скором крахе. Один из таких «салонов», посещаемых Якушевым, оказался якобы связан с контрреволюционными заговорщиками из «Национального центра». Вскоре начались аресты, и Якушев спешно покинул Петроград и перебрался в новую столицу, в Москву. Здесь наш герой поступил на службу к большевикам. Этот поступок объясним и понятен: оставшись без денег, имущества, в чужом городе, Якушев ради спасения себя и своей семьи был готов поступить на любую, даже самую тяжелую и грязную работу.

Все же судьба оказалась благосклонной к Якушеву. Он стал трудиться в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР. Служить он там начал в конце 1918 года в должности старшего инспектора Главного управления водного транспорта (Главвода). Новая служба дала возможность получить приличное жалование и неплохой продуктовый паек. Считалось, что Якушеву очень повезло. Многие из тех, с кем он в прошлом трудился в Министерстве путей сообщения, просто бедствовали.

Якушев не бедствовал. Его карьерному росту можно было позавидовать. В начале 1920 года он был назначен начальником Главного управления водного транспорта НКПС РСФСР. Вступив в должность, Александр Александрович развил активнейшую деятельность. Под его подписью как из рога изобилия сыпались приказы, директивы и распоряжения. Бывший действительный статский советник Якушев вписывался в советское чиновничество.

18 августа 1920 года Якушева назначили по совместительству и помощником начальника Главного управления путей сообщения (ГУПС) НКПС РСФСР. На него было возложено «ближайшее руководство управлением в вопросах, не касающихся основных распоряжений и сношений». В иерархии наркомата Якушев фактически входил в десятку наиболее влиятельнейших работников. Его кабинет располагался в так называемом «Запасном дворце» на Новобасманной улице. Александр Александрович постоянно вращался в кругу видных руководи-

лей советского правительства и ЦК партии – Л. Д. Троцкого, Л. Б. Красина, А. П. Розенгольца и многих других. Да его уже знали некоторые руководители Советского государства, такие как Л. Б. Красин.

27 декабря 1920 года Якушева откомандировали на работу в Наркомат внешней торговли РСФСР. На этом переводе настоял бывший нарком путей сообщения Л. Б. Красин, с марта 1920 года ставший во главе всей внешней торговли Страны Советов. Ему срочно требовались специалисты в вопросах экспорта и импорта, а Якушев до 1917 года все-таки входил (по совместительству) в состав Российской экспортной комиссии. Там он представлял интересы Министерства путей сообщения.

Чекисты обнаружили малочисленную монархическую организацию, не представлявшую особой опасности. Образовали ее несколько престарелых бывших аристократов и царских сановников, ни на что, кроме злобной болтовни, в сущности, не способные. По-настоящему серьезных людей в ней почти не было. Косвенное отношение через знакомых к ней имел крупный специалист по водному транспорту, ответственный работник Наркомата путей сообщения, а в прошлом действительный статский советник, воспитанник, а затем и преподаватель Александровского (бывшего Царскосельского) лицея Александр Александрович Якушев.

Находясь на службе у советской власти, Александр Александрович не оставил своих прежних взглядов на политическую систему, необходимую России. Он продолжал встречаться со многими бывшими царскими сановниками, не терявшими надежд на восстановление монархии в стране. Считается, что Якушев в 1920 году входил в какую-то контрреволюционную монархическую организацию. Однако архивные документы, подтверждающие или отвергающие эту версию, пока не обнаружены. Вероятнее всего, Якушев посещал какой-либо нелегальный кружок, состоящий из людей, равнодушных к происходящему в стране. Так считает Михаил Тумшис, автор вышеназванной книги «ВЧК: война кланов».

О Якушеве в наши дни достаточно известно. Уже упоминался фильм «Операция "Трест"». Автору о Якушеве рассказывали Теодор Гладков, крупный специалист по истории спецслужб, полковник Николай Зайцев, который тридцать лет тому назад помогал Гладкову в издании книги «И я ему не могу не верить...»²³.

До издания книги была публикация в «Неделе» – «Конец агента ST-1». В ней были допущены неточности, которые автор подсказал полковнику Зайцеву убрать. Полковник Николай Зайцев согласился с замечаниями автора.

Обстоятельно о личности и делах Якушева повествуется в книге Льва Никулина «Мертвая зыбь»²⁴.

Некоторые фрагменты из нее автор приводит в предлагаемой читателю книге.

В ноябре 1921 года Якушева как ведущего специалиста Наркомвнешторга и члена Технического совета НКПС направили в командировку в Швецию и Норвегию. В Таллине (на тот период Ревеле), где Якушев был проездом, он выполнил просьбу старой приятельницы Варвары Николаевны Страшкевич. Та просила передать письмо своему племяннику Юрию Артамонову. Якушев не знал, что Артамонов с 1921 года работал в английском паспортном бюро и поддерживал контакты с рядом руководителей белой эмиграции в Париже и Берлине.

Якушев передал Артамонову письмо. Но лишь этим дело не ограничилось. Такой человек, как Якушев, не мог не быть опрошен эмигрантами, желающими знать о положении дел в России. Александр Александрович крайне охотно рассказал о ситуации в РСФСР, не удержался он и от изложения собственных политических взглядов о предполагаемых изменениях в политической системе Советской России.

²³ Гладков Т., Зайцев Н. «И я ему не могу не верить...». – Москва: Издательство политической литературы, 1983.

²⁴ Никулин Л. Мертвая зыбь: роман-хроника. – Москва: Военное издательство, 1965.

Артамонов заинтересовался Якушевым. Человек, близкий ему по духу, к тому же высокопоставленный советский чиновник.

«Большой спец, умен. Знает всех и вся. Наш единомышленник, он то, что нам нужно. Человек с мировым кругозором... В Якушева можно лезть, как в словарь. На все дает точные ответы». Артамонов одновременно сообщил, что в Москве существует монархическая организация и Якушев якобы представляет ее интересы за границей и предлагает «...реальное установление связей».

Через две недели после возвращения в столицу Якушев был арестован чекистами. Одновременно арестовали и всех тех, кто якобы «работал» в контрреволюционной организации вместе с Якушевым. Всем арестованным было предъявлено обвинение «В участии в контрреволюционном заговоре», а Александру Александровичу еще дополнительно и обвинения в шпионаже (он ведь сообщил эмигрантам сведения конфиденциального характера, известные ему по службе в НКПС и НКВТ).

Артузов подошел к несгораемому шкафу, шкаф открылся со звоном. Он достал папку. На ее переплете было написано: «Дело А. А. Якушева».

Артузов выдвинул ящик стола и достал две фотографии. Одна побольше – групповой снимок. В центре – белое здание, вокруг на обвивающей нарисованной ленте надпись: «Императорский Александровский лицей. Выпуск 1907 года». Вокруг ленты – фотографии молодых людей в мундирах лицея, и над ними какие-то господа тоже в мундирах и при орденах.

Внимательно рассматривал лица на фотографии, взял другую фотографию: господин в пенсне, с завитыми усами, с большим лбом, который несколько увеличивала лысина. Выразительный, чуть насмешливый взгляд.

– Это и есть Александр Александрович Якушев. Видно, что человек с характером. Представительная внешность, знает себе цену. Он же изображен на снимке среди воспитателей. А среди лицеистов – другое действующее лицо – Юрий Александрович Артамонов. Окончил лицей в 1907 году. Его нам указала Варвара Николаевна Страшкевич, он ей приходился племянником.

Артузов задумчиво перелистывал дело Якушева. Тот написал:

«Я, Александр Александрович Якушев, потомственный дворянин, сын преподавателя кадетского корпуса, родился 7 августа 1876 года в городе Твери, окончил Императорский Александровский лицей, последняя моя должность – управляющий эксплуатационным департаментом управления водных путей министерства путей сообщения в чине действительного статского советника. После революции с 1921 года работал в качестве консультанта по водному хозяйству. В старой армии не служил, в белой тоже. Женат, имею троих детей. Хотя я ни в какую партию не входил, но по убеждению – русский националист...».

Артузов задумался, затем продолжил читать, что пишет этот генерал (по «Табели о рангах» чин действительного статского советника, который имел Якушев, соответствовал военному званию «генерал-майор»):

«...Я считаю монархию единственным строем, который может обеспечить могущество и величие России. Тем самым я являюсь противником Советской власти, контрреволюционером. Однако я хотел бы знать, в чем меня обвиняют? Все, что можно мне поставить в вину, относится к прошлому, и об этом прошлом я постараюсь рассказать подробно и вполне откровенно.

В 1919 году, когда северо-западная армия генерала Юденича наступала на Петроград, мы были уверены, что Советская власть доживает последние дни. Юденич занял окрестности Петрограда, генерал Миллер наступал на Вологду, поляки занимали Минск, корпус Кутепова занял Курск и Орел. Мы – я говорю о подпольных организациях в Петрограде – имели связь с «Национальным центром» в Москве и готовили мятеж в Петрограде, так же как наши единомышленники в Москве. Все это теперь имеет историческое значение, поскольку ВЧК удалось ликвидировать и нашу, московскую, организацию. Мы были уверены в успехе, готовили

вооруженное выступление и выработали строгие меры, чтобы обеспечить порядок в столице. Что это значит, надеюсь, понятно.

Мы надеялись справиться с рабочими, не дать им возможности лишить город воды и света, пытались связаться с теми офицерами, которые были мобилизованы в Красную армию. Чем это кончилось – известно.

Некоторое время я оставался в Петрограде. Когда начались аресты, я переехал в Москву, где меня меньше знали. (...)

На этом, собственно, и кончилась моя активная деятельность. Из Москвы я предполагал пробраться на юг. Это мне не удалось. Мятеж Кронштадтской вольницы меня обнадежил, но ненадолго. Наступило время нэпа, которое я воспринял как крушение принципов большевизма. Я жил, ничего не делая, продавая фарфор и столовое серебро, которое вывез из Петрограда. Именно в это время произошла встреча с одним знакомым генералом, которого я хорошо знал по Петрограду. Он поинтересовался, что я делаю и как существую. Я объяснил ему свое положение.

– А вы, ваше превосходительство?

Он с удивлением посмотрел на меня:

– Я с ноября с семнадцатого года работаю. Теперь в штабе Красной армии. Я думал, вам это известно. Мне кажется странным, что вы с вашими знаниями сидите без дела. На что вы надеетесь?

Все устроилось неожиданно для меня. Рано утром ко мне явился некто в кожаной куртке и передал мне приглашение явиться к одному высокопоставленному лицу. Это приглашение имело характер приказа, и я уклонился от него. Тогда спустя неделю за мной пришли уже двое в кожаных куртках, посадили в автомобиль и доставили к этому лицу. Я был встречен милостиво, мне сказали, что известны мои заслуги, знания и организаторские способности, которые не могли получить должное развитие при царе.

Я сказал:

– Не знаю, откуда вам это известно?

– От многих видных специалистов, которые работают у нас.

Затем мне было сказано, что мои убеждения «русского националиста» тоже хорошо известны и потому для меня не должны быть безразличны судьбы русской промышленности и хозяйства. Кончился этот разговор тем, что я согласился работать с большевиками. Я занял хорошее положение, как известно, был вхож в кабинеты видных деятелей ВСНХ, меня знали и знают Красин, Кеженцев. Внешне все обстояло у меня благополучно, я составлял докладные записки и планы по водному хозяйству, в осуществление которых не верил.

Я был командирован в Швецию в начале ноября, а 22 ноября по возвращении в Москву был арестован. Убеждений моих я не менял и являюсь по-прежнему русским националистом и монархистом. Был им и после Февральской революции, когда на предложение князя Львова занять пост товарища министра путей сообщения ответил, что, как верноподданный его величества, Временного правительства не признаю.

Вы спрашивали меня о моем отношении к Советской власти сегодня. Я не закрываю глаза на усилия большевиков восстановить то, что разрушено, но настоящей порядок наведет державный хозяин земли русской. На этом я кончаю мои показания. Никаких имен я не называл и не назову, о своей контрреволюционной деятельности я рассказал все, ничего не утаив.

А. Якушев».

Артузов вспомнил слова Дзержинского:

– Нам нужен человек, который поможет чекистам проникнуть в ядро монархической организации. Человек, которому эти господа верят, которого знают как убежденного монархиста и который мог бы стать одним из руководителей МОЦР, действуя в интересах Советской

власти. Недавно мы арестовали некоего Александра Александровича Якушева. Это видный специалист по водному хозяйству, занимавший в дореволюционное время солидное положение. Мы убедились, что сейчас он не только стоит на позициях, враждебных по отношению к Советской власти, но и является одним из руководителей МОЦР. Следствие по этому делу ведет товарищ Артузов и его отдел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.